

Гений — это человек, который прекрасно знает, что у него талант, но, тем не менее, он продолжает работать в лаборатории электромузыкальных инструментов ПО «Электроизмеритель».

Альфред Грибер
ЭСТРАДИНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

ДОМ КУЛЬТУРЫ ИЛИ ЗАВОДСКОЙ КЛУБ?

29 ноября 1968 года мы отпраздновали мамин 45-й день рождения. Мне трудно даже было представить, что моей любимой маме «стукнуло» 45 лет. Передо мной была молодая красивая женщина, которую я знал всю жизнь и с которой делил все радости и трудности. Мама всегда была мне лучшим другом и добрым советчиком. Как хорошо, что три года разлуки уже прошли, и мы снова все вместе отпраздновали мамин юбилей.

А 30 ноября я приступил к работе в Житомирском городском Доме культуры в качестве концертмейстера и руководителя музыкального кружка по классу баяна.

Утром директор ДК Захар Давыдович Гурвич представил меня художественному руководителю ДК Михаилу Некричу, а затем показал мою рабочую комнату. В ней стояли фортепиано, письменный стол, стулья, книжный шкаф. Завхоз ДК Виктор выдал мне два баяна.

Первый трудовой день начался. Я сразу же обзвонил всех потенциальных учеников по классу баяна, которые были записаны в книге дежурного по ДК, и назначил им встречу. А потом Михаил Некрич познакомил меня с моими обязанностями как концертмейстера.

Полдня пролетело незаметно, и я отправился домой обедать. Но на 4 часа дня у меня уже была назначена встреча с певицей Людмилой Симбирцевой.

Первая репетиция произвела на меня очень приятное впечатление, потому что у Людмилы оказался великолепный голос народного плана, типа Ольги Воронец или Людмилы Зыкиной. Мы сразу нашли с ней общий профессиональный язык, прорепетировали целый ряд песен из её репертуара, поговорили о жизни. Через пару часов мы уже расставались друзьями.

Не буду описывать подробно все перипетии первого рабочего дня в ДК. Скажу только, что он удался. А дальше пошли чередой следующие дни, заполненные уроками, занятиями, репетициями, новогодними утренниками и, конечно, концертами. Постепенно стали завязываться знакомства и налаживаться связи в музыкальных кругах Житомира.

Как-то в начале апреля 1969 года дежурный по ДК позвал меня к телефону, сообщив по дороге, что звонок от женщины. Заинтригованный, я поспешил вниз, в дежурку.

– Алло!– произнёс я, поднеся трубку к уху.
– Здравствуйте, Альфред!– услышал я в ответ незнакомый женский голос.

– Добрый день!– ответил я.

– Меня зовут Наталья Петровна,– продолжал женский голос,– я заведующая клубом завода «Электроизмеритель». Председатель нашего завкома профсоюзов Георгий Николаевич Невмержицкий поручил мне пригласить Вас к нам в гости. Вы согласны посетить наш завод, так сказать, с дружеским визитом?

– Спасибо большое, конечно, за приглашение, но это как-то неожиданно. А откуда Вы меня знаете?

– Нам рассказали о Вас как о хорошем музыканте. Мы бы хотели встретиться с Вами, поговорить, посоветоваться и обсудить кое-какие вопросы. Когда Вы сможете прийти к нам?

Я мысленно перебрал в уме все свои уроки, занятия, репетиции и назвал приемлемую для меня дату встречи.

– Хорошо,– ответила Наталья Петровна,– я буду ждать Вас на проходной завода.

Мы попрощались, и я положил трубку. В голове вертелись вопросы, но ответы я не мог найти. Оставалось только дожидаться встречи, чтобы хоть что-нибудь прояснить. В установленный день и час я подходил к проходной завода на улице Котовского. Навстречу мне устремилась сравнительно молодая женщина среднего роста.

– Здравствуйте, Альфред! Я Наталья Петровна Лавренчук. Мы с Вами разговаривали по телефону.

– Здравствуйте, Наталья Петровна!

– Председатель завкома уже ждёт Вас. Дайте мне свой паспорт. Я оформлю Вам пропуск.

Я протянул Наталье Петровне свой паспорт, и она зашла в проходную завода. Я последовал за ней.

Уладив все формальности с пропуском, Наталья Петровна повела меня по коридору заводууправления. Вскоре мы остановились у кабинета, на двери которого висела табличка: «Заводской комитет профсоюзов».

Наталья Петровна открыла дверь, вошла в кабинет и, придерживая дверь рукой, произнесла:

– Заходите, пожалуйста!

– Спасибо,– ответил я и вошёл в кабинет.

Из-за большого стола поднялся мужчина и пошёл мне навстречу, протягивая руку для приветствия.

– Здравствуйте, Альфред – замялся он.

– Михайлович,– подсказал я.

– Да-да, Альфред Михайлович. Очень приятно. Меня зовут Георгий Николаевич. Давно хочу познакомиться с Вами. Мне Вас Наталья Петровна так нахваливала.

Заметив моё недоуменное выражение лица, Георгий Николаевич поспешил добавить:

– Это со слов её знакомых музыкантов. Они ей все уши прожужжали, что в городском Доме культуры появился молодой талантливый музыкант, который играет и на баяне, и на аккордеоне, и на фортепиано. Прошу Вас, присаживайтесь!

После того как мы расселись вокруг большого стола, Георгий Николаевич спросил меня:

– А как давно Вы приехали в Житомир и откуда?

– Вообще-то я житомирянин. Здесь прошло моё детство, здесь живут мои родные. Правда, мы с мамой в 1956 году уехали на целину в Казахстан. Там я окончил музыкальную школу, музыкальное училище и Заочный Народный Университет Искусств в Москве. Там я работал и музыкальным работником детского сада, и учителем пения в школе, и руководителем художественной самодеятельности, и главным концертмейстером Ансамбля песни и танца. В 1965 году я ушёл в армию. И там музыка мне пригодилась. А в ноябре прошлого года я демобилизовался и вернулся сюда в Житомир, на свою родину.

– Несмотря на Ваш молодой возраст, у Вас довольно-таки обширная биография,– удивился Георгий Николаевич.

– И 8 лет трудового стажа,– добавил я.

– Подождите, сколько же Вам было лет, когда Вы начали работать?

– 15 лет,– улыбнулся я.– И первой моей работой было руководство художественной самодеятельностью клуба железнодорожников.

– Так почему же Вам сейчас снова не возвратиться к этой работе?– воскликнул мой собеседник.– У нас на заводе есть свой клуб, директором которого является наша уважаемая Наталья Петровна. А ей позарез нужен художественный руководитель, такой, как Вы. Сколько можно работать концертмейстером в Доме культуры?

– Я всего 4 месяца работаю там,– ответил я.

– Ну и хватит,– вступила в разговор Наталья Петровна.– Вы же художественный руководитель, а не просто концертмейстер. Вам нужен простор для Вашей деятельности. А у нас здесь в этом плане большие перспективы. На заводе трудятся несколько тысяч людей. Среди них много талантов, которые только и ждут, чтобы их открыли. Кому же, как не Вам, как говорится, и карты в руки? К тому же, зарплата художественного руководителя несколько выше зарплаты концертмейстера.

– Ваше предложение совершенно неожиданно для меня,– произнёс я нерешительно.– Мне нужно подумать.

– Конечно, подумайте. У вас есть впереди две недели для принятия решения,– сказал Георгий Николаевич.

– Какие две недели?– не понял я.

– Как какие? Ведь по закону перед увольнением Вы должны отработать две недели. Вот Вам и время для обдумывания нашего предложения,– убедительно произнёс Георгий Николаевич.– А через две недели я жду Ваше заявление о приёме к нам на работу художественным руководителем клуба.

Попрощавшись с Георгием Николаевичем, я в сопровождении Натальи Петровны вышел из кабинета завкома профсоюзов. Проводив меня до проходной, заведующая клубом сказала на прощание:

– Примите правильное решение и соглашайтесь с нашим предложением. Вам здесь будет хорошо работать. Я уверена, что мы с Вами сработаемся. Я позвоню вам через пару дней. Хорошо?

– Хорошо, – ответил я. – Будьте здоровы, Наталья Петровна! И до встречи!

С этими словами я вышел из проходной завода «Электроизмеритель» на улицу Котовского. Солнечный апрельский день как бы поддержал то хорошее настроение, которое создалось у меня во время только что закончившегося разговора.

«А действительно, – думал я, – мои сегодняшние собеседники правы. Быть художественным руководителем лучше, чем концертмейстером. Нужно использовать эту новую открывшуюся возможность для своего профессионального роста. Да и более высокая зарплата мне не повредит».

Я взвесил все «за» и «против». Так что пока я дошёл до дома, решение моё, можно сказать, созрело. Вечером я рассказал маме и бабушке о своём визите на завод и разговоре в завкоме профсоюзов. Они поддержали моё решение о переходе на работу в заводской клуб. На следующий день утром я отправился на работу в ДК. Первым делом зашёл к Захару Давыдовичу и рассказал ему о сделанном мне предложении. Я объяснил ему своё решение, и, как мне показалось, он отнёсся к этому с пониманием.

– Я понимаю, что ты должен расти и делать карьеру, – сказал Захар Давыдович. – Но уверен, что мы с тобой ещё будем много раз встречаться.

Через две недели я заключил трудовой договор с завкомом профсоюза завода «Электроизмеритель» об исполнении обязанностей художественного руководителя с почасовой оплатой.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЭЛЕКТРОМУЗЫКЕ

В первый же день моей новой работы в качестве художественного руководителя клуба завода «Электроизмеритель» я подключился к подготовке праздничного Первомайского концерта. Времени на раскачку не было, так как до торжественного вечера, посвящённого празднику, оставалась всего неделя. И здесь мне пригодился мой богатый опыт концертмейстера.

Все последующие дни в течение недели были заполнены репетициями. К счастью, мне удалось установить профессиональные контакты с участниками художественной самодеятельности завода. Нашими общими усилиями концерт к назначенному сроку был подготовлен.

Мой дебют как художественного руководителя на сцене заводского клуба прошёл, как мне показалось, успешно. После концерта, во время разбора полётов, я услышал много приятных слов в свой адрес от разных людей.

Больше всех были довольны заведующая клубом Наталья Петровна Лавренчук и председатель завкома Георгий Николаевич Невмержицкий. Ведь приглашая меня на работу, они в какой-то мере рисковали. Поэтому я был рад, что не разочаровал их.

Первомайские праздники длились в этом году аж четыре дня, потому что 3-е и 4-е мая выпали как раз на субботу и воскресенье. Но так уж заведено в нашем мире, что праздники рано или поздно заканчиваются и наступают обычные трудовые будни.

В один из таких будничных рабочих дней меня разыскал в клубе худощавый, среднего роста мужчина лет тридцати. Он подошёл ко мне и с улыбкой протянул руку для приветствия:

– Здравствуйте, Альфред Михайлович! Меня зовут Леонид Иванович.

– Здравствуйте, Леонид Иванович! Очень приятно познакомиться!– пожимая протянутую руку, ответил я.

– И мне очень приятно с вами познакомиться! Я вас видел на праздничном концерте в клубе 30 апреля. Должен вам сказать, что вы мне понравились как классный музыкант.

– Спасибо за комплимент!

– Это не комплимент, а констатация факта. Я особенно в вас ценю именно баяниста,– продолжал мой собеседник.

– Значит как пианист я вам не понравился?– поинтересовался я.

– Нет, тоже понравились. Просто у меня к вам предвзятый интерес как к баянисту. Дело в том, что лаборатория, которую я возглавляю, разрабатывает ЭМИ – электронные музыкальные инструменты. Вы когда-нибудь видели такие инструменты?

– Да, в армии, в нашем Доме офицеров, в молодёжном вокально-инструментальном ансамбле ребята играли на таком небольшом инструменте под названием «Юность».

– А вы знаете, что наш завод 5 лет назад первым в СССР начал разработку и производство электромузыкальных инструментов. Может быть, вы слышали такие названия как «Романтика», «Гамма» или «Меридиан»?– спросил меня Леонид Иванович.

– Нет, я видел только «Юность». И даже немного удалось поиграть на ней.

– Так выходит, что вы знакомы с игрой на ЭМИ? Ну, это просто здорово. Тогда я вам покажу наши инструменты. Мне интересно, понравятся они вам или нет?

– И мне будет интересно сравнить их с той «Юностью», на которой я пытался музицировать.

– Будем надеяться, что сравнение будет в нашу пользу. Но я хотел бы поговорить с вами немного о другом. Как раз в настоящее время мы заняты разработкой электронного баяна. Такого инструмента пока ещё нет нигде в мире. И ваша помощь как баяниста была бы нам сейчас очень кстати.

– Понимаете, Леонид Иванович, я не очень силен в электронике. Я простой музыкант,– попытался я робко прояснить ситуацию.

– А нам и нужно, чтобы вы как музыкант сказали, что вам лично нравится, а что нет,– как бы успокаивая меня, произнёс мой собеседник.

– Хорошо, я согласен. Мне даже самому интересно посмотреть на всё это.

– Так, может быть, пойдём прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик?– спросил Леонид Иванович.

– Можно и сейчас. Только мне нужно предупредить Наталью Петровну, что меня не будет какое-то время в клубе,– ответил я.

Сказав Наталье Петровне, что я буду в лаборатории, где делают электромузыкальные инструменты, мы с Леонидом Ивановичем вышли из клуба. Он повёл меня по каким-то коридорам и лестницам с этажа на этаж. Наконец мы остановились у двери, на которой висела табличка «Лаборатория № 21».

– А вот здесь мы и работаем,– сказал Леонид Иванович и открыл дверь.– Прошу вас, заходите!

Я переступил порог лаборатории и очутился в совсем незнакомом для меня мире. Вокруг стояли столы и стеллажи, на которых громоздились какие-то приборы, устройства, клавиатуры и много непонятных для меня предметов. И внутри всего этого находилось пару человек, которые при моём появлении повернули головы в мою сторону.

– Добрый день!– поздоровался я, кивнув головой каждому присутствующему в комнате.

– Здравствуйте!– послышалось в ответ.

– Ребята, познакомьтесь, пожалуйста, это Альфред Михайлович, художественный руководитель нашего клуба и музыкант по совместительству. Давайте покажем ему электромузыкальные инструменты. Пусть он поиграет на них, а потом скажет нам своё мнение.

Откуда-то сразу на одном из столов появилась небольшой рояльчик на 3 октавы с переключателями и регуляторами на нижней панели. Леонид Иванович проделал какие-то манипуляции и начал нажимать на клавиши рояльчика. Из динамиков, находившихся рядом, послышались «космические» звуки.

– А теперь ваша очередь, Альфред Михайлович,– сказал Леонид Иванович.– Сыграйте нам что-нибудь. А я буду переключать регистры и тембры. Только знайте, что на этом инструменте нельзя играть аккордами. Можно исполнять одноголосные мелодии.

И вот в таком тандеме мы сыграли с ним несколько мелодий.

– Это наш первенец,– поглаживая нежно по корпусу инструмента, произнёс Леонид Иванович.– Мы назвали его – «Романтика». А вот сейчас мы увидим его многоголосную модификацию – «Гамму». Здесь уже можно играть не только мелодии, но и аккорды, и полифонию, как и на фортепиано.

Сотрудники лаборатории быстро заменили один рояльчик другим. В нём клавиатура была уже больше трёх октав, а переключатели находились на верхней панели над клавиатурой.

Наш тандем с Леонидом Ивановичем поиграл и на этом инструменте. Как только мы закончили, «Гамму» тут же убрали и принесли следующий инструмент.

По сравнению с предыдущими инструментами, этот выглядел настоящим гигантом – кла-

виатура на 6 октав. Да и переключателей на нижней панели было побольше, чем у «Романтики».

– Это «Меридиан»,– пояснил мне Леонид Иванович.– Он тоже является многоголосным инструментом. И на нём можно играть так же, как и на фортепиано. Причём вот эти клавиши, почти две с половиной октавы, предназначены для аккомпанемента левой рукой, а остальные клавиши, чуть больше трёх октав, для игры правой рукой всего, чего пожелаешь. Лично мне понравилось играть на переключателях. Так что Вам ничего не остаётся другого, как играть на клавишах. Ну что, начали?

И мы начали и продолжили, а потом ещё продолжили, и ещё. Что называется, дорвались до бесплатного. И тут мы услышали у себя за спиной приятный мужской голос:

– Что это тут у вас за концерт? Иду по коридору и слышу знакомые звуки.

Мы обернулись, и я увидел мужчину с добродушным лицом. Он стоял позади нас и улыбался. Мы так увлеклись своей игрой, что даже не заметили, когда он появился.

– О, Виталий Иванович,– воскликнул мой музыкальный партнёр,– позволь тебе представить Альфреда Михайловича, которого мы с тобой видели на праздничном первомайском концерте в клубе.

– Здравствуйте, Альфред Михайлович! Очень приятно с вами познакомиться. Я Виталий Иванович, начальник отдела,– сказал новый собеседник и протянул мне руку для приветствия.

– Добрый день, Виталий Иванович! И я рад нашему знакомству,– ответил я, пожимая его руку.

– Я вижу, что вы тут сыгрались,– заметил Виталий Иванович.

– Да. Ты знаешь, Виталий Иванович, мы классно провели время,– произнес Леонид

Иванович.— Оказывается, я совсем неплохо играю на переключателях и регуляторах.

— А что вы, Альфред Михайлович, скажете о наших ЭМИ? Как они вам показались?— спросил меня Виталий Иванович.

— Первое впечатление хорошее. Но чтобы составить объективное мнение, мне нужно более подробно познакомиться с ними. Но, в общем, они мне понравились,— совершенно откровенно ответил я.

— Приятно слышать это от вас,— заметил Леонид Иванович.— Но теперь, в присутствии Виталия Ивановича, я бы хотел перейти, так сказать, к прозе жизни. Помните, я вам говорил, что мы начали работу над созданием электронного баяна. В принципе, это должен быть электроорган типа «Меридиан», естественно с новыми тембрами и эффектами, но управление его звучанием должно осуществляться при помощи баяна.

— Это будет великолепно,— перебил я Леонида Ивановича.— В таком случае не только пианисты смогут играть электронную музыку, но и баянисты.

— Верно. Но, несмотря на то, что идея создания такого инструмента, в принципе, принадлежит Виталию Ивановичу, у нас с ним разные подходы к самому баяну,— продолжил начальник лаборатории.— Я думаю, что из баяна нужно вынуть все натуральные баянные голоса и заполнить его внутренность электроникой. А мехами можно управлять громкостью звука. А вот начальник нашего отдела имеет по этому поводу совершенно другое мнение. Расскажи, Виталий Иванович, нашему гостю о своих идеях. И пусть баянист нас рассудит.

Виталий Иванович повернулся ко мне и, как бы размышляя вслух, не спеша начал говорить:

— Баянист без своего обычного баяна — уже

не баянист. Вы посмотрите, с какой радостью он разворачивает во всю ширь меха баяна. Здесь и удаль, и лихачество, и гордость, и бравада, и задор! А Леонид Иванович хочет его всего этого лишиться. Это первое. В современных баянах сейчас уже ставят регистры, как в аккордеонах. То есть, добавляют краски звучания. Вот и давайте тоже добавим баяну новые краски, но сам баян оставим с его натуральными баянными голосами. Захочет баянист играть на простом баяне — у него есть такая возможность. Захочет играть электронными звуками — нет проблем. У него появятся такие перспективы, о которых он раньше даже не мечтал. Вот Вы, Альфред Михайлович, как баянист Вы согласны со мной?

— Знаете, Виталий Иванович, в этом споре я принимаю вашу сторону. Действительно, всё так, как вы говорите. Я даже добавлю, что сочетание звучания простого баяна и электроники может создать интересный эффект, напоминающий игру баяна с оркестром. И хочу сказать ещё об одном преимуществе такого сочетания. Представьте себе такую картину: во время концерта отключается электричество. Хороший баянист не растеряется и закончит свой номер игрой на простом баяне. И никто не догадается, что так не было задумано.

— Но вы, дорогие товарищи,— прервал нашу беседу Леонид Иванович,— представляете себе, что технически это усложнит конструкцию всего инструмента. Нужно будет для электроники делать отдельный блок, контактную систему простого баяна соединять сотней проводов с этим блоком, а громкость электронного звука регулировать педалью. А это всё дополнительные расходы и конструкторские заморочки.

— Вы спросили моё мнение как баяниста,— отпарировал я,— вы его получили. И меня как будущего потребителя данного инструмента

совсем не интересует то, какими способами вам удастся совместить желаемое с действительным. На это вы и конструкторы, вам и карты в руки. А мы, музыканты, вам потом поклонимся в ножки за хороший музыкальный инструмент.

– Если бы я сам не привёл вас, Альфред Михайлович, сюда к нам в лабораторию, – вздохнул Леонид Иванович, – то я бы мог заподозрить, что Виталий Иванович вас ко мне специально подослал. Ну что ж, вы оба меня почти убедили. Теперь у меня к вам, Альфред Михайлович, встречное предложение: давайте сотрудничать! У нас с вами получился неплохой тандем в игре на наших ЭМИ. Так давайте продолжим его и в создании первого в мире электронного баяна!

– С большим удовольствием! – с радостью согласился я. – Мои скромные знания и опыт всегда к вашим услугам. Я буду очень рад, если моя помощь принесёт пользу вам – первопроходцам в такой новой отрасли музыкального искусства как электромузыка.

Так в мае 1969 года начался мой «роман» с электромузыкой, который длился 16 счастливых лет.

ВПОЛНЕ ОПРАВДАНЫЕ ПЕРЕХОДЫ

Где-то в середине августа 1969 года мне неожиданно позвонил директор Житомирского городского Дома культуры Захар Давыдович Гурвич, и мы договорились о встрече.

«Интересно, – подумал я, – о чём это Гурвич хочет со мной серьёзно поговорить? Просто так он звонить не будет. Значит, действительно, у него ко мне есть что-то важное. Ну что же, пождём до субботы». В субботу в 10 часов утра я постучал в дверь кабинета директора ДК.

Мы обменялись рукопожатием.

– Садись, устраивайся поудобнее, – пригласил меня хозяин кабинета.

После того, как я сел, Захар Давыдович внимательно посмотрел на меня и произнёс:

– Я хочу, чтобы ты отнёсся со всей серьёзностью к тому, что я тебе сейчас скажу. Хорошо?

– Я весь внимание, Захар Давыдович.

– Ты сейчас работаешь хударком в клубе завода «Электроизмеритель» не в штате, а по трудовому договору с почасовой оплатой, верно? – начал Гурвич.

– Да. А откуда у вас эти сведения?

– У меня есть свои источники информации. А знаешь ли ты, мой друг, что если с тобой по какой-нибудь причине в следующем году не заключат новый договор, то ты останешься без работы? – задал Гурвич новый вопрос.

– Теоретически, конечно, это возможно, – ответил я.

– Вот именно, – продолжал Захар Давыдович. – Чтобы такой проблемы у тебя не было, тебе нужно быть принятым в штат той или иной организации. Тогда ты будешь уверен в своём

завтрашнем дне. И я тебе в этом могу помочь. Я хочу предложить тебе должность художественного руководителя нашего Дома культуры. Заметь, что это – должность штатная.

– Позвольте, Захар Давыдович, но ведь эту должность занимает Миша Некрич, – попытался возразить я.

– К сожалению, уже не занимает. Он уволился и ушёл на другую работу. Я много думал, кому я могу передать эту должность, и мой выбор остановился на тебе. Что скажешь?

– Всё это так неожиданно, – несколько растерянно проговорил я. – А как же моя работа в заводском клубе? Я только-только начал там разворачиваться. Кроме того, познакомился с людьми, которые разрабатывают новые электромзыкальные инструменты. И как раз сейчас я помогаю им своими консультациями в создании электронного баяна.

– Ты можешь продолжать свою консультативную помощь, не работая на заводе. Твои новые друзья могут выписывать тебе пропуск, когда ты им понадобишься. Что же касается твоей работы там в качестве хударука, то разве можно сравнивать масштабы заводского клуба и городского Дома культуры. Ты же мне рассказывал, что работал главным концертмейстером в Ансамбле песни и танца при городском Доме культуры в Казахстане. Ведь так?

– Да, это было в Гурьеве до моей службы в армии.

– Так я тебе могу сообщить, что мы уже начали работу над созданием такого Ансамбля на базе нашего Дома культуры. Художественным руководителем, хормейстером и дирижёром этого Ансамбля будет Михаил Енин – директор нашего музыкального училища, балетмейстером и постановщиком танцев – Лев Мирочник. А главным концертмейстером Ансамбля мог бы стать Альфред Грибер. Ну, как тебе нравится

такое предложение? – глядя мне прямо в глаза, спросил Гурвич.

– Вы прямо искуситель, Захар Давыдович, – несколько ошарашенно ответил я. – Разбередили мне душу своими планами.

– Таким образом, – продолжал директор ДК, – у тебя будет две должности: одна штатная – художественный руководитель городского Дома культуры и одна договорная – главный концертмейстер Ансамбля песни и танца. Правда, зарплату ты будешь получать одну, хударука, но зато она выше, чем та, которую ты сейчас получаешь в заводском клубе. А это тоже немало. Мне кажется, я тебе сделал такое предложение, от которого просто невозможно отказаться. Прав я или неправ?

– Правы, Захар Давыдович, несомненно, правы. Вы мне сейчас нарисовали такую заманчивую картину моей будущей работы, что остаётся только согласиться с вашим предложением.

– Тогда не будем тянуть время, – решительно проговорил Гурвич. – Быстрее увольняйся из клуба и приступай к исполнению своих новых обязанностей.

Полтора выходных дня прошли в раздумьях и беседах с родными. Но к исходу воскресенья решение было принято: следует соглашаться на предложение Гурвича.

В понедельник утром у меня состоялся ответственный разговор с заведующей заводским клубом Натальей Петровной. Я рассказал ей о предложении Гурвича, потом каждый из нас привёл свои аргументы «за» и «против». Однако констатация того факта, что работа в штате предпочтительнее работы по трудовому договору, сыграла решающую роль.

Как бы то ни было, но 1 сентября 1969 года я был принят на должность художественного руководителя городского Дома культуры. И снова всё завертелось: репетиции, концерты, орга-

низаторская работа. Шла бурная подготовка к первому выступлению нового Ансамбля на праздничном концерте в честь Великого Октября.

А справедливости ради, следует отметить, что всё в ДК держалось на энтузиазме его директора – Захара Давыдовича Гурвича. В свои уже немолодые годы он обладал завидной энергией. Только благодаря его личным качествам, ДК считался центром культурной жизни города.

И вдруг в октябре энергия Гурвича нашла себе новый объект – дом-музей С. П. Королёва, генерального конструктора советской космонавтики, который родился в Житомире. И теперь было решено открыть на родине героя его дом-музей. Гурвич переключил всё своё внимание на создание этого музея, намереваясь стать его директором.

В ДК это сразу почувствовали. Раньше Гурвич всех заводил своими идеями. А теперь стало как-то тихо, спокойно и, можно сказать, скучно. Хотя, внешне, каждый выполнял свою работу по-прежнему. Вскоре у Гурвича появился заместитель, некий Владимир Потанин.

И тогда, неожиданно, в конце октября мне звонит заведующая заводским клубом:

– У меня для тебя такие новости, просто закачаешься. Нужно срочно сегодня увидеться. Я к тебе приеду в ДК.

Буквально через полчаса мы с Натальей Петровной уединились в моём художковском кабинете.

– Ты не представляешь, что произошло за эти два месяца после твоего ухода, – начала Наталья Петровна. – Наше начальство ужасно разволновалось из-за того, что упустили тебя. Председатель завкома и директор завода пошли к секретарю горкома партии и попросили его помочь выбить в Облсовпрофе штатную должность художественного руководителя для нашего клуба с хорошей зарплатой. Короче говоря, нам

эту должность официально дали, горком партии рекомендует Гурвичу не препятствовать своему художнику, если он подаст заявление на увольнение по собственному желанию. Короче говоря, нужно только твоё заявление об увольнении.

– Наталья Петровна, но я не собираюсь пока увольняться.

– Вот именно, пока. А ты знаешь, что Гурвич пробивает себе место директора дома-музея Королёва. Так что очень скоро его здесь не будет. А без такого организатора Дом культуры очень скоро развалится. Помяни моё слово. И ещё неизвестно, комфортно ли тебе будет работать с новым директором. А у нас ведь тебе было хорошо. К тебе уже привыкли люди. Все спрашивают, где ты делся. Да и начальство тебя ценит. Что заметишь, тоже не последнее дело. А ведь наш завод всё-таки всесоюзного значения. Видишь, как мы быстро выбрали для тебя должность. А ты умеешь хорошо работать, поэтому думай хорошенько и не упускай свой шанс. А мы все тебя очень ждём.

Распрошавшись с Натальей Петровной и проводив её до служебного выхода, я возвращался в свой кабинет. Вдруг позади я услышал голос Гурвича:

– Альфред, дорогой, зайди ко мне, пожалуйста, есть разговор.

Мы зашли в его кабинет и сели около стола.

– Как тебе у нас работается? – спросил Гурвич.

– Нормально, Захар Давыдович, – ответил я. Работы, как всегда, хватает с избытком. Много внимания приходится уделять подготовке праздничного концерта, на котором состоится первое выступление нового Ансамбля. Пока вроде идём в графике. А почему Вы вдруг задали мне такой вопрос? Я что-то не так делаю, может быть?

– Да нет, ты всё делаешь так, как надо. Дело совсем в другом. Тут меня на днях вызывали в горком партии по твоему вопросу.

– По моему вопросу?– удивился я, догадываясь, о чём пойдёт разговор.– Но я ведь человек беспартийный.

– Ты да, человек беспартийный, но я-то партийный. А в горкоме мне прямым текстом сказали, чтобы ты вернулся работать в клуб завода «Электроизмеритель». Там для тебя вроде выбрали штатную должность худрука. И меня «попросили» посодействовать твоему переходу обратно на завод,– грустно констатировал Гурвич.

– Так что, Захар Давыдович, Вы меня увольняете?– поинтересовался я.

– Да ты что, в своём уме? Но если ты задумаешь уйти от нас по собственному желанию, я не имею права тебе препятствовать. Ты должен сам решить эту проблему. Хочешь – оставайся работать в ДК, хочешь – возвращайся на завод. Я приму любое твоё решение. Первое – с радостью, второе – с грустью и сожалением. Я полюбил тебя как сына, и мне будет трудно с тобой расставаться.

– Захар Давыдович, откровенность за откровенность. Я слышал, что Вы тоже собираетесь на другую работу. Это правда?

– В нашем Житомире трудно что-то скрыть от людей. Все всё сразу узнают. Признаюсь тебе, что я очень серьёзно занимаюсь созданием Дома-музея Королёва. Собираю у жителей Житомира необходимую для экспозиции мебель и другие предметы тех времён. Мы разыскали в Москве его мать – Марию Баланину, и она описала те вещи, которые стояли у них в доме на Дмитриевской. Сейчас мы занимаемся поиском жилья для тех людей, которые живут в этом доме в настоящее время. Затем предстоит очень серьёзный ремонт этого дома, чтобы придать ему вид того времени, когда в нём жил Королёв. Причём заметь, что я за это не получаю никакой специальной оплаты и никаких денежных средств. Поэтому приходится кру-

титься. Но, в конце концов, я надеюсь, что стану директором этого музея. А это, как ты сам понимаешь, уже всесоюзный уровень. После меня здесь, по всей видимости, останется директором мой нынешний заместитель Владимир Потанин. А с ним, мне кажется, ты кашу не сваришь.

– Спасибо за откровенность, Захар Давыдович. Мне было очень приятно работать с Вами. А решение я приму в самое ближайшее время.

– Я только прошу тебя никому не рассказывать о нашем разговоре,– попросил Гурвич.

– Конечно, Захар Давыдович. Вы бы могли это и не говорить. Я знаю, что можно рассказывать другим, а что – нет,– пообещал я.

Разговор с Гурвичем заставил меня отнестись серьёзно к предложению Натальи Петровны. Поразмыслив пару дней, я написал два заявления: одно – директору ДК об увольнении по собственному желанию, а другое – в завком профсоюза завода «Электроизмеритель» о принятии меня на работу в клуб на должность художественного руководителя.

В завкоме прореагировали молниеносно и зачислили меня в штат завкома с 1 ноября 1969 года.

А в Доме культуры произошёл некоторый сбой. В эти дни Гурвич ушёл в отпуск и оставил вместо себя исполняющим обязанности директора ДК своего заместителя Владимира Потанина. А тот побоялся уволить меня, не получив на то разрешения Гурвича. Поэтому я оказался работающим одновременно в двух местах.

Праздничные концерты мне пришлось репетировать сразу на двух работах. Хорошо ещё, что концерт в ДК состоялся 4 ноября, а в заводском клубе – 5-го.

Октябрьские праздники в этом году продолжались 3 дня, потому что 9-е число попало на

воскресенье. Но и после праздников я продолжал работать и в ДК, и в заводском клубе. Хорошо ещё, что на заводе понимающе отнеслись к такой ситуации. Но, тем не менее, из горкома партии последовал всё же звонок и.о. директору ДК с «просьбой» уволить меня с занимаемой должности худрука ДК.

И только 20 ноября был подписан Потаниным приказ о моём увольнении из ДК по собственному желанию. Вот так случились в моей жизни вполне оправданные переходы из клуба в ДК и обратно.

РОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО ЭЛЕКТРОННОГО БАЯНА

После возвращения на завод я почувствовал к себе какое-то особое отношение. Как будто вернулся домой человек, которого все ждали.

Но, как мне показалось, больше других моему возвращению были рады начальник лаборатории № 21 Леонид Иванович Федорчук и начальник КБ–2 Виталий Иванович Волошин. Мои советы, музыканта и баяниста, по их словам, были очень ценны. Каждый день они готовили мне новые музыкальные звуки или эффекты, которые я должен был проиграть, прослушать и прочувствовать. Затем всё коллективно обговаривалось и обсуждалось.

Вскоре в лабораторию пришёл новый сотрудник – Лев Моисеевич Фукс, который сразу же подключился к работе над электронным баяном. Мы с ним быстро подружились, потому что такие люди были мне созвучны. В нём чувствовалась какая-то профессиональная уверенность, желание довести всё, как говорится, до ума.

Я вырывал любую свободную минуту, чтобы лишний раз забежать в лабораторию и пообщаться с «ребятами». Так я называл своих новых друзей, несмотря на то, что они все были старше меня. С каждым днём вырисовывались очертания нового музыкального инструмента.

С Житомирской музыкальной фабрики был привезён обычный серийный баян «Мечта», для которого конструкторы Леон Толчинский и Дима Шраер разработали оригинальную контактную систему и панель переключателей для управления электронными звуками, регистрами и эффектами. Все провода были «упакованы» в кабель, который подключался к специ-

альному блоку, содержащему всю электронную начинку. К этому же блоку подключались звуковые колонки с динамиками, а также двойная педаль для регулировки громкости электронного звучания и эффекта тембрового глissандо.

Судя по этому описанию, может сложиться впечатление, что сделать электробаян было обычным делом. Но так может подумать только тот человек, который никогда ничего не придумывал впервые, ничего совершенно нового и необычного.

Аналогов электробаяну в мировой практике не было. Поэтому приходилось думать, спорить и даже ссориться, чтобы прийти к оптимальному решению.

Я уже не говорю о буквальном «вылизывании» звуков, тембров и эффектов. Дело ведь осложнялось тем, что нужно было создать не просто какие-то электронные музыкальные звуки, а такие звуки, которые сочетались бы со звучанием обычного баяна. Это позволяло комбинировать в различных пропорциях обычные баянные и электронные звуки, что создавало эффект игры баяна и электронного оркестра.

Нам удалось добиться кристальной чистоты звучания, что позволило благодаря эффектам вибрато, тремоло, перкуссии, реверберации, тембрового глissандо и ритмического сопровождения воспроизводить игру органа, рояля, духовых инструментов, струнных инструментов и русских народных инструментов. Благодаря комбинации разнообразных тембров и эффектов можно было даже имитировать звучание оркестра — свадебного деревенского, джазового или эстрадного.

В принципе, получение стереофонического звучания целого ансамбля духовых, язычковых, струнных и ударных инструментов у нас получилось.

Я пишу «у нас», потому что уже не отделял себя от тех инженеров и конструкторов, которые воплощали мои музыкальные фантазии и запросы в реальные звуки, тембры и эффекты.

Вместе с созданием электронного баяна, который получил название «Эстрадин-8Б», формировался и мой репертуар для исполнения на этом инструменте. Сюда входили популярные песни и мелодии, звучащие на радио и по телевидению, фантазии на темы известных советских композиторов и русских народных песен, органные произведения Баха, музыка из балетов и кинофильмов, различные классические и эстрадные произведения.

Так как готовых обработок для электронного баяна тогда просто не существовало, приходилось мне заниматься этим самому. Поэтому я был и аранжировщиком, и исполнителем в одном лице. Очень мне помогла в этом деле прежняя работа в оркестрах, где я научился ансамблевому исполнительству и оркестровому чутью. Не прошла даром учёба в музыкальном училище, где я дирижировал оркестром русских народных инструментов, и в Заочном Университете Искусств, где я окончил курс инструментоведения и оркестровки.

Не лишним будет напомнить, что всё своё свободное время я проводил в лаборатории — и днём, и вечером.

К новому 1970 году опытный образец электронного баяна «Эстрадин-8Б» был готов.

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ

1970 год был провозглашён в СССР годом 100-летия со дня рождения В.И.Ленина. Поэтому любое событие, происходившее в стране, было посвящено этой дате.

Коллективы художественной самодеятельности клуба житомирского завода «Электроизмеритель», где я работал художественным руководителем, выступали на городских, областных и республиканских конкурсах, посвящённых юбилею вождя всего прогрессивного человечества. Они получали аплодисменты зрителей и завоёвывали высокие места, а я получал почётные грамоты от завода, города, области и республики.

Однако юбилейный ленинский год запомнился мне больше теми событиями, которые были связаны с электронным баяном «Эстрадин-8Б».

Первая общественная демонстрация нового инструмента состоялась в клубе завода.

Так как слух о чудо-инструменте быстро разошёлся по цехам, то к назначенному часу зал клуба был забит до отказа. Всё фойе перед залом также было заполнено народом.

Моё первое выступление в заводском клубе стало триумфом содружества инженеров-конструкторов и музыканта. Успех превзошёл даже самые смелые наши ожидания. После исполнения каждого произведения вспыхивали овации. Это была настоящая победа!

После демонстрации электробаяна каждый из нас получил сполна и поздравления, и улыбки, и аплодисменты, и объятия, и рукопожатия. Мы были безмерно счастливы!

Когда зрители, обмениваясь между собой впечатлениями о концерте, стали потихоньку

расходиться, Федорчук, Фукс и я принялись подготавливать наш электронный баян для транспортировки в лабораторию.

За этой работой мы не заметили, что к нам кто-то подошёл. Мы встрепенулись от неожиданности только тогда, когда услышали мужской голос:

– Добрый день!

– Здравствуйте!— почти машинально ответили мы хором.

Оглянувшись, увидели незнакомого мужчину, который, улыбаясь, протягивал нам руку для приветствия:

– Разрешите представиться – Рюмин, корреспондент Украинского республиканского радио и телевидения по Житомирской области. А по совместительству – муж руководителя вашего драмкружка Зои Петровны Калюги. Это она, кстати, меня сюда сегодня и привела.

– Очень приятно!— произнесли мы, по очереди представляясь нашему новому гостю.

– Дорогие мои, увиденное и услышанное здесь сегодня поразило меня настолько, что я до сих пор не могу поверить, со мной ли всё происходило? Поверьте мне, прожжённому журналюге: что в своей жизни я повидал такое, что перестал чему-либо удивляться. Но сегодня я сражён наповал. Сидит на сцене один человек, держит в руках обычный баян, а вокруг летают чудесные звуки. Я сначала, грешным делом, подумал, что это какая-то мистификация: звучит фонограмма оркестра электромузыкальных инструментов Всесоюзного радио, а этот молодой человек изображает игру на баяне. Такое часто можно увидеть и услышать в наших фильмах. Но когда зазвучали орган, фортепиано, духовые инструменты, я понял, что это не фонограмма, а живое исполнение. А добила меня фантазия на русские народные темы, когда простой баян перекликался с электронным оркестром. Тут уже

не только все сомнения отпали, а появилось чувство восхищения талантом исполнителя.

— А наш Альфред не просто исполнитель, он вместе с нами в качестве музыкального консультанта участвовал в создании этого электробаяна,— перебил Рюмина Федорчук.

— А давайте сделаем специальную передачу на Житомирском радио, где расскажем о людях, которые создали такое музыкальное чудо. Пусть житомиряне узнают о своих современных талантливых земляках. Дадим им послушать прекрасные звуки вашего нового музыкального инструмента.

— Заметьте,— вступил в разговор Фукс,— такого электробаяна больше нигде в мире нет.

— Тем более мы должны рассказать о нём всем. Давайте я вам позвоню на днях, и мы договоримся о записи такой радиопередачи.

Мы обменялись с Рюминым телефонами и тепло попрощались.

Буквально через неделю мы уже были в студии Житомирского радиовещания, где записали первую радиопередачу об электронном баяне «Эстрадин-8Б» и его создателях. Кажется, она называлась «Творцы волшебной музыки» или что-то в этом роде.

Передача вызвала широчайший резонанс у радиослушателей. На Житомирское радио и на завод в большом количестве стали приходить письма с вопросами, пожеланиями, предложениями и просто со словами восхищения и благодарности. Причём, адреса были предельно лаконичными: «Житомир. Радио. Передача об электробаяне» или «Житомир. Завод «Электромизмеритель». Конструкторам электробаяна».

Эту радиопередачу повторяли по Житомирскому радио ещё несколько раз, потому что приходили многочисленные письма от тех людей, которые не слышали её, но очень хотели узнать о новом музыкальном чуде.

Рюмин ознакомил со своей радиопередачей об электробаяне руководство Республиканского радио и телевидения в Киеве. И очень скоро на завод пришло приглашение от телепередачи «На меридианах Украины» организовать телевизионную встречу с создателями электронного баяна, чтобы познакомить телезрителей Украины с достижениями житомирских конструкторов.

Утром в одну из февральских суббот 1970 года Леонид Иванович Федорчук, я и корреспондент Республиканского радио и телевидения Рюмин вместе с нашим электробаяном поехали в Киев, чтобы выступить в этой телепередаче.

Прямой эфир начался ровно в 17.00. После того, как ведущая объявила тему, бразды правления в свои руки забрал Рюмин. Он задавал Федорчуку и мне разные вопросы, а в перерывах между вопросами и ответами я играл на электробаяне произведения из своего репертуара.

Как только прямой эфир закончился, студия начала заполняться работниками телевидения. Все восхищались инструментом, задавали нам с Федорчуком кучу вопросов, просили меня ещё что-нибудь сыграть. Это длилось не менее получаса.

За это время нам сообщили, что на телевидение поступило уже несколько десятков телефонных звонков с отзывами о передаче. Все сообщения были примерно такого содержания: «Это здорово!», «Вот это да!», «Молодцы житомиряне!», «Повторите, пожалуйста, эту передачу. Мы хотим записать её на магнитофон, а то нам просто не поверят, что такое возможно», «Я включил телевизор, когда передача уже шла, и поэтому не смог услышать всё, что исполняли на этом электробаяне. А когда будет повторение этой программы?», «А как можно познакомиться с участниками передачи?», «А где можно купить такой электробаян?».

Так как нужно было готовить студию к следующей передаче, мы с Федорчуком начали собирать и упаковывать все составные части нашего инструмента. Но не тут-то было. Работники телевидения подхватили нас под руки, собрали весь наш электронный комплекс и привели в отдел «Новости дня», где уже собралось немало людей.

И всё завертелось по второму кругу. Мы только успевали отвечать на разнообразнейшие вопросы и исполнять многочисленные заявки. Играл я всё, что знал: и песни, и классику, и популярные мелодии. И всё это наши слушатели записывали на магнитофонные ленты.

Когда присутствующие узнали, что я являюсь художественным руководителем заводского клуба, то мне было сразу сделано предложение подготовить несколько номеров заводской художественной самодеятельности в сопровождении электронного баяна для молодёжной передачи «Взгляд» («Погляд»), которая готовилась к Международному женскому дню 8 марта.

А затем меня попросили наиграть короткие музыкальные отрывки, которые, как мне объяснили, можно будет использовать в качестве заставок к различным телевизионным программам и передачам.

Буквально через несколько дней одна из таких мелодий стала музыкальной заставкой передачи «На меридианах Украины».

Через пару лет эта же запись стала музыкальной заставкой передачи «Новости дня». И несколько раз в день долгие годы я имел возможность слышать свою игру на электробаяне с экрана телевизора.

Не успели мы прийти в себя после успеха на телевидении, как на завод пришло правительственное письмо. Заместитель председателя Совета министров Украинской ССР П.Тронько извещал дирекцию завода, что он как пред-

седатель Организационного комитета фестиваля самодеятельного искусства Украинской ССР, посвящённого 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, приглашает выступить на заключительном концерте фестиваля художественного руководителя заводского клуба А.М.Грибера с исполнением ряда произведений на электронном баяне.

От такого приглашения, как не трудно догадаться, отказаться было невозможно. И мы с Леонидом Ивановичем Федорчуком отправились и на этот концерт.

Успех данного выступления был огромный. И в знак признательности я получил правительственную Грамоту за подписью П.Тронько.

Интерес наших земляков-житомирян к электронному баяну был так велик, что горком партии «предложил» заводу организовать демонстрацию инструмента для широкой публики. И вот летом на улицах города и в областной газете «Советская Житомирщина» («Радянська Житомирщина») появились объявления следующего содержания: « В Зелёном театре городского парка культуры и отдыха имени Ю.А.Гагарина состоится демонстрация нового музыкального инструмента завода «Электроизмеритель» – электронного баяна «Эстрадаин-8Б». Вход для всех желающих свободный».

В назначенное время большой зрительный зал Зелёного театра был заполнен до отказа. Вот уж действительно, яблоку упасть было некуда. Публика сидела не только на ступеньках внутренних проходов, но и стояла в боковых проходах под навесами, а также в верхнем фойе при входе в театр.

Леонид Иванович Федорчук произнёс вступительное слово, в котором рассказал о том, как создавался наш инструмент. А затем он передал эстафету виновнику торжества, ради которого и собралась в Зелёном театре почтенная

публика,— электронному баяну «Эстрадин-8Б». Я исполнил на нём всю концертную программу, которая была у меня готова на тот момент. После каждого музыкального номера зал взрывался аплодисментами. Приятно было сознавать, что и на этот раз успех превзошёл все ожидания.

На следующий день и областная газета, и областное радио уделили значительное место рассказу о нашем концерте. Было сказано много добрых слов в адрес завода, инженеров-конструкторов, создавших такой чудесный инструмент, и музыканта, который великолепно продемонстрировал житомирской публике возможности электробаяна.

В перерывах между демонстрациями и презентациями электронного баяна проводились определённые работы по его совершенствованию.

В конце декабря 1970 года Федорчук и я были приглашены в Москву в Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР для представления электробаяна министру Константину Николаевичу Рудневу.

Мы прибыли в назначенный день в министерство. Где-то во второй половине дня нам предоставили возможность расположиться в зале заседаний министерства. Дело близилось к вечеру. Референт министра предупредил нас, что на всё про всё нам отпущено полчаса, так как министр очень устал после трудового дня. Мы с Леонидом Ивановичем составили примерный план демонстрации инструмента.

Однако этот план нам не пригодился, потому что министра Руднева интересовала буквально каждая мелочь. Федорчук методично отвечал на все вопросы Константина Николаевича и разъяснял ему тонкости работы инструмента. А моей задачей было качественно продемонст-

рировать музыкальные возможности электробаяна. Вся аудиенция вместо запланированного получаса продолжалась полтора часа.

На прощание министр Руднев пожал нам руки и пожелал успехов в дальнейшей работе. Видно было, что ему понравился наш инструмент.

А к новому 1971 году на завод пришло письмо за подписью министра, в котором он отмечал заслуги разработчиков электробаяна и желал успешного освоения серийного производства этого инструмента.

Триумфальное шествие электронного баяна по стране продолжалось.

ОДЕССКИЕ МЕЛОДИИ

В декабре 1970 года в Москве при подготовке демонстрации электронного баяна «Эстрадин-8Б» министру приборостроения я познакомился со многими сотрудниками министерства.

Одним из них был заместитель начальника Главного управления по производству электроизмерительных приборов и средств телемеханики Михаил Сергеевич Шкабардня. Он был одним из ответственных за представление электробаяна министру. Михаил Сергеевич оказался очень приятным собеседником, много шутил, рассказывал интересные истории, старался поднять нам настроение.

После нашего с электробаяном концерта для работников министерства Михаил Сергеевич подошёл ко мне и сказал:

– Альфред, у меня к тебе личная просьба. Сыграй мне несколько мелодий, а я запишу их на магнитофон. Иначе мои домашние не поверят, что я это всё слышал.

– Пожалуйста, Михаил Сергеевич, – ответил я, – для Вас сыграю всё, что захотите. Вы нам так помогали все эти дни. А долг платежом красен.

– Тогда я сейчас организую доставку электробаяна к себе в кабинет.

Через несколько минут электробаян, Леонид Иванович Федорчук и я уже были в кабинете Шкабардни. Закончив подготовку инструмента, я обратился к хозяину кабинета:

– Что именно, Михаил Сергеевич, Вы бы хотели записать себе на магнитофон?

– Сыграй то, что ты сам хочешь, – ответил Шкабардня.

Он настроил магнитофон и кивнул мне. Я исполнил несколько разноплановых произведений. Когда закончилась плёнка, Михаил Сергеевич поставил новую и попросил:

– А ты можешь сыграть только для меня всякие разные одесские мелодии. Грешен, люблю послушать этакое нестандартное.

– А что конкретно, Михаил Сергеевич? «Мурку», «На Дерибасовской»?

– Во-во-во, – обрадовался Шкабардня, – эти и все им подобные.

Магнитофон был запущен, и кабинет министерства заполнился музыкой свадеб и ресторанов. Больше часа длилась эта запись. Мы все сообща припоминали знакомые песни и мелодии, я вспомнил все популярные еврейские танцы и песни. Когда мы, наконец, закончили этот необычный «концерт», Михаил Сергеевич, весело потирая руки, воскликнул:

– Ни у кого во всей Москве нет таких записей. Это будет мой личный эксклюзив. Теперь будет чем отвести душу в компаниях друзей. Спасибо тебе, дорогой Альфред! Я твой должник. Нужна будет какая-нибудь помощь, обращайся. Отказа не будет. Всегда помогу, чем смогу. Шкабардня никогда не забывает тех, кто сделал ему хорошее. Ну, а сейчас нужно обмыть моё приобретение.

Хозяин кабинета открыл сейф, стоящий около письменного стола, и достал оттуда бутылку коньяка, рюмки и лимон.

– Сейчас я порежу лимончик, – сказал Шкабардня, доставая из сейфа блюдце, – и мы с вами выпьем за здоровье таких хороших людей, как вы.

Когда лимон был нарезан, Михаил Сергеевич разлил коньяк по рюмкам и провозгласил:

– Я пью за вас, мои дорогие Альфред и Леонид Иванович. Вы даже не представляете, какое счастье вы подарили мне сегодня. Пусть вам всегда везёт в этой жизни, пусть удача не обходит вас. Изобретайте ещё такие музыкальные инструменты и даже лучше. Пусть они приносят людям радость. Такую, как вы подарили мне сегодня. Будьте здоровы!

Мы чокнулись и выпили, скрепив таким образом нашу дружбу.

Такой была наша первая встреча с Михаилом Сергеевичем. Но отнюдь не последняя.

В 1971 году Михаил Сергеевич Шкабардня стал главным инженером, а затем и начальником главка «Союзэлектроприбор».

В 1974 году он был назначен начальником Научно-технического управления.

В 1979 году Шкабардня становится заместителем министра, а в 1980 году – министром приборостроения СССР.

На всех этапах карьеры Михаила Сергеевича мы периодически встречались с ним в министерстве. И при любой встрече он мне всегда говорил, что та плёнка с одесскими мелодиями, которую я записал ему в декабре 1970 года, доставила немало приятных минут ему и его друзьям.

Однажды мне пришлось воспользоваться помощью Шкабардни. В то время он был начальником Научно-технического управления.

Мы со Львом Моисеевичем Фуксом, моим начальником лаборатории, приехали в министерство подписывать нормативную и техническую документацию на новый электромузыкальный инструмент. Переходя из отдела в отдел, мы собирали визы начальников разных служб.

В один прекрасный день я очутился в расположении Научно-технического управления. Мне нужна была очередная виза какого-то руководителя отдела перед представлением документации на подпись начальнику Научно-технического управления.

Ожидая этого руководителя отдела, я прогуливался по коридору Управления. Вдруг я увидел идущего в мою сторону Михаила Сергеевича. Когда он подошёл поближе, я поздоровался:

– Здравствуйте, Михаил Сергеевич!

– Привет, Альфред!– произнёс Шкабардня, протягивая мне руку.– Как дела? Как живёшь?

– Спасибо, Михаил Сергеевич,– пожимая его руку, сказал я,– всё нормально.

– А здесь у нас, что ты делаешь?– поинтересовался Шкабардня.

– Вот собираю визы начальников разных отделов на документации нового электромузыкального инструмента.

– Уже есть что-то новенькое? Как интересно! Знаешь что, пошли ко мне, расскажешь обо всём.

С этими словами Михаил Сергеевич взял меня под руку и повёл в свой кабинет. Мы сели в конце длинного стола друг против друга, и я начал рассказывать о наших новых разработках в области электромузыки. Потом он взял в руки документацию на новый электроорган:

– А это что такое? Ну-ка, расскажи поподробнее.

Я начал описывать новый инструмент и его возможности. Шкабардня внимательно слушал, время от времени задавая уточняющие вопросы. А потом спросил:

– А в нашем управлении тебе что нужно?

– Ваша подпись на титульных листах,– честно признался я.– Почти все визы собраны.

– А здесь всё хорошо?– указывая на документацию, спросил Шкабардня.

– Михаил Сергеевич, я сам лично всё готовил. Поэтому отвечаю за каждую запятую.

– Ну, если ты составляешь документацию так же хорошо, как и играешь, то я подпишу тебе это всё, не дожидаясь оставшихся виз. Ты их потом соберёшь.

И Шкабардня, достав из внутреннего кармана пиджака ручку, расписался на всех экземплярах документации. А потом сказал:

– Там в приёмной стоит этажерка. Положи это всё туда, мои девочки зарегистрируют это быстро и передадут в ваш главк.

Мы распрощались, как давние хорошие знакомые.

Следующая неожиданная встреча произошла в самом начале 80-х годов, когда Михаил Сергеевич уже был в ранге министра приборостроения СССР.

Находясь в Москве в какой-то очередной командировке, я подходил к проходной министерства на улице Огарёва. Уже издалека я заметил, что рядом у тротуара стоит чёрный персональный лимузин министра. Задняя дверь его была открыта. Проходя мимо машины, я повернул голову в её сторону, но, никого не увидев, проследовал дальше.

И тут позади себя я услышал мужской голос с характерными интонациями:

— Альфред, это ты? Чего мимо проходишь, не здороваешься?

Оглянувшись, я увидел, как из глубины лимузина появилась сначала голова, а потом и верхняя часть туловища Михаила Сергеевича Шкабардни:

— А я смотрю, ты это или не ты? Залезай сюда, поболтаем. Всё-таки давно не встречались.

Я подошёл к машине:

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич! В машине было темно, и я Вас не заметил.

— Нет, вы посмотрите на него. Своего министра и не заметил. Как вам это нравится? Залезай, садись. Я очень рад тебя видеть.

И сидя в шикарном лимузине, я вдруг вспомнил того 40-летнего Шкабардню, которому в декабре 1970 года записывал на магнитофон блатные одесские мелодии. Когда я сообщил Михаилу Сергеевичу об этом, он обрадовался и произнёс шёпотом, наклоняясь к самому моему уху:

— А ты знаешь, я до сих пор гоняю твои записи своим друзьям. И мы все вместе поём под твой аккомпанемент мои любимые одесские мелодии.

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЬВОМ ТЕРМЕНОМ

Кто такой Лев Сергеевич Термен? Это человек-легенда, который был гениален во всём: и в музыке, и в науке.

Он, фактически, является создателем первого в мире (1920 год) электромузыкального инструмента, который впоследствии назовут его именем — «Терменвокс» (голос Термена). Только одно это изобретение ставит Термена в ряд гениальных людей планеты всех времён.

А ведь потом появились на свет различные автоматические системы сигнализации, охранные устройства, первая телевизионная система «Дальновидение», уникальная система подслушивания «Буран», оборудование для радиоуправления беспилотными самолётами, радиобуи для военно-морских операций, системы распознавания речи, системы идентификации го-

лоса, системы военной гидроакустики, электромзыкально-танцевальный инструмент «Терпитон», светомузыкальный инструмент «Ритмикон», инструмент для чистого гармонического сопровождения мелодического исполнения, гармониум для работы с хором, визуальный индикатор темперированного интонирования терменвокса, электронная виолончель.

Но и это ещё не всё. Термен был увлечён идеей борьбы со смертью и поэтому работал над технологией заморозки человека с последующим его оживлением в будущем.

Просто не укладывается в сознании, как один человек был способен сотворить всё это разнообразное великолепие!

В конце апреля 1971 года я узнаю, что Лев Сергеевич Термен скоро приедет в Житомир. Его приезд объяснялся тем, что в мае у нас на заводе «Электроизмеритель» намечалось провести Вторую Всесоюзную научно-техническую конференцию по электромзыкальным инструментам. Первая подобная конференция проводилась в 1938 году.

И вот в мае 1971 года к нам в Житомир на конференцию, которая проходила в заводском клубе, прибыли более 70 представителей различных музыкальных организаций и промышленных предприятий СССР.

Самым почётным гостем был, конечно, Лев Сергеевич Термен. Для своего почти 75-летнего возраста он оказался очень энергичным, бодрым человеком с сердцем юноши. Буквально с первых минут разговора Термен произвёл на меня впечатление человека, у которого реальность и фантазия очень крепко переплетены между собой. Идеи он, казалось, брал прямо из воздуха.

Лев Сергеевич был человеком худым. Первое время я даже считал, что живость и темпе-

рамент Термена как-то зависят от его телосложения. Однако спустя какое-то время я понял, что все качества характера Льва Сергеевича подчинены только состоянию его души и велениям его сердца.

Он всегда был одет элегантно: тёмный костюм, белая рубашка и галстук. Во всём его облике чувствовался какой-то аристократизм.

Мы с ним, как два музыканта, сразу нашли общий язык. Благо, точек соприкосновения у нас было хоть отбавляй. Лев Сергеевич попросил меня аккомпанировать ему на фортепиано во время его игры на терменвоксе. Ноты у него были с собой, и мы пару раз прорепетировали.

Лев Сергеевич отобрал для своего выступления несколько произведений: Шуберт «Аве Мария», Бах-Гуно «Аве Мария», Рахманинов «Вокализ», Сен-Санс «Лебедь», Глинка «Жаворонок», Массне «Элегия», Скрябин «Этюд», Глинка «Не искушай меня без нужды», русская народная песня «Эй, ухнем».

Даже меня, человека уже знакомого немного с электронной музыкой, поразил чудесный тембр терменвокса. Он походил одновременно и на голос человека, и на звуки скрипки, виолончели, саксофона, трубы, флейты или английского рожка. В верхнем регистре звук был несколько резким, в среднем – экспрессивно-вибрирующим, а в нижнем – даже хрипловатым.

Уже после нашей первой репетиции Лев Сергеевич загорелся желанием научить меня играть на терменвоксе. Я, естественно, был этому только рад, поэтому, не колеблясь ни секунды, подошёл к инструменту.

– Давайте мы с Вами сыграем то произведение, которое я учил играть в своё время Владимира Ильича Ленина, – сказал Термен, встал позади меня и взял своими руками мои руки в

районе запястий.— И так, Глинка «Жаворонок»,— объявил он.

Когда я видел, как играет Термен, мне казалось, что этот процесс довольно прост. Но теперь, стоя перед инструментом, я не мог найти для своих рук место. Хорошо ещё, что я чувствовал конкретную физическую поддержку Льва Сергеевича у себя за спиной.

Крепко держа мои руки, Термен начал ими дирижировать возле антенн инструмента. Что-то, отдалённо напоминающее мелодию Глинки, зазвучало в динамиках.

Вся трудность игры на терменвоксе для меня заключалась в том, что я не мог сразу найти какие-либо фиксируемые точки опоры в воздухе. С левой рукой, которая регулировала громкость звука, проблем у меня было меньше, так как на баяне я тоже регулировал громкость звука левой рукой. Но вот с правой рукой проблем было больше.

Будь я скрипачом или виолончелистом, мне было бы легче ориентироваться в правильном интонировании звуков. Но так как я играл до этого на инструментах с фиксированным строем (баян, аккордеон, фортепиано), то мне пришлось несколько потрудиться, пока что-то начало получаться. Но с грехом пополам мне всё же удалось доиграть мелодию «Жаворонка» до конца при ослабевшей поддержке Льва Сергеевича.

Первый день конференции завершился сенсационным концертом Термена для терменвокса с фортепиано в моём скромном сопровождении. Многие из присутствующих в зале вообще впервые увидели и услышали как сам инструмент, так и его легендарного создателя.

А на следующий день конференции состоялся мой концерт на электронном баяне «Эстрадин-8Б». Без ложной скромности могу утвер-

ждать, что это была вторая сенсация на конференции. Электробаян произвёл на всех ошеломляющий эффект.

После того, как я закончил своё выступление, ко мне подошёл Термен и, пожимая мне руку, сказал:

— Поздравляю Вас, Альфред! Вы не только хороший аккомпаниатор, но и великолепный солист. То, что я услышал сегодня в Вашем исполнении, поразило меня. Как может один человек управлять всем этим многообразием звуков? Просто диву даёшься.

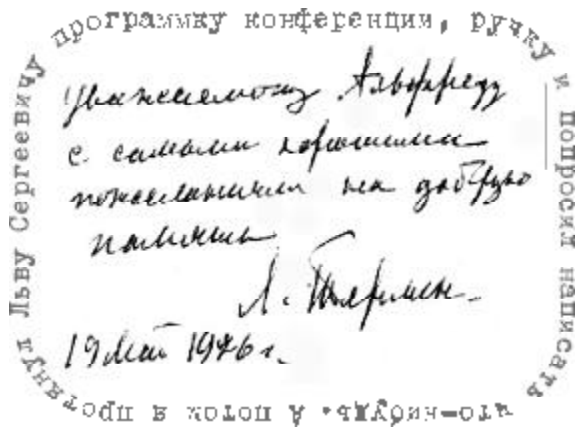
Такое поздравление, да ещё от родоначальника мировой электронной музыки, было для меня вдвойне приятно.

Следующая моя встреча со Львом Сергеевичем Терменом состоялась ровно через 5 лет на том же самом месте в городе Житомире, в клубе завода «Электроизмеритель».

Здесь 18–20 мая 1976 года состоялась Третья Всесоюзная научно-техническая конференция «Состояние и перспективы развития электронных музыкальных инструментов в СССР». Сюда собрались конструкторы, искусствоведы, музыканты, чтобы обменяться мыслями и опытом в этой новой отрасли техники. На конференцию прибыли 120 человек из 20 городов страны, представляя около 40 организаций. Сюда же приехали представители Министерства культуры СССР и Министерства торговли СССР.

В первый же день конференции Лев Сергеевич Термен выступил с двумя докладами: «Многоголосный терменвокс» и «Терпситон — электронный танцевальный музыкальный инструмент».

А затем он продемонстрировал всем участникам конференции и её гостям свой новый шедевр — «терпситон». 80-летний «молодой» танцор встал на специальную платформу и на-

чал совершать различные телодвижения. И полились звуки музыки, управляемые уже не только руками Льва Сергеевича, а всем его телом. Уже не музыка руководила танцем, а наоборот, танец – музыкой. Это было фантастическое зрелище! Оставалось только удивляться и восхищаться талантом изобретателя.

Во второй день конференции я демонстрировал наш новый электромузыкальный инструмент – двухмануальный электроорган «Эстрадин-9». Участники конференции по достоинству оценили звучание нового инструмента и мастерство исполнителя.

Но сюрпризом конференции стала новая грампластинка – стерео-гигант «Звучит "Эстрадин"», выпущенная весной 1976 года Всесоюзной фирмой звукозаписи «Мелодия». На этой грампластинке в моём исполнении на электронном баяне «Эстрадин-8Б» были записаны различные классические и эстрадные произведения.

Когда эту пластинку подарили Термену, он подошёл ко мне и попросил, чтобы я оставил ему на ней свою дарственную надпись. Я был

так взволнован этой просьбой! Кто я такой по сравнению с таким великим человеком, чтобы он просил меня дать ему автограф?

Я, с трудом сдерживая волнение, написал на своей пластинке:

«Дорогому Льву Сергеевичу Термену на добрую память от автора и исполнителя Альфреда Грибера. Май 1976 год». И расписался – «Грибер-эстрадин».

А потом я протянул Льву Сергеевичу программку конференции, ручку и попросил его написать что-нибудь мне на память.

– С большим удовольствием, коллега! – проговорил Термен, взял ручку и написал в разделе «Для заметок»:

«Уважаемому Альфреду с самыми хорошими пожеланиями на добрую память. Л. Термен. 19 май 1976 г.».

В этот день наша электромузыкальная команда во главе с Леонидом Ивановичем Федорчуком ещё и сфотографировалась со знаменитым изобретателем. Эта фотография всегда мне напоминает о той встрече с Терменом.

А в третий день конференции уже я прочёл доклад «Попытка математизации коэффициента качества электронных музыкальных инструментов». Идею разработки такого коэффициента предложил профессор Киевской консерватории Лев Вайнтрауб. Вопросов после моего доклада было много. Но когда я сошёл со сцены, ко мне подошёл Термен и, прищурив глаза, сказал:

– Ваш доклад, Альфред, мне понравился. Так что ж теперь, мой дорогой, мы уже сможем качественно сравнить мой терменвокс и ваш электробаян?

– Сравнить-то мы, конечно, сможем, но по качественным характеристикам, – ответил я. – Ведь это инструменты разные и по назначению, и по своей спецификации.

– Конечно, Альфред, конечно. Я понимаю, что сравнивать нужно однотипные инструменты. Я просто хотел похвалить Вас за то, что Вы взялись за такое исследование, и показать Вам, какие возможности оно открывает. Продолжайте, это очень интересно. Но не забывайте, что Вы хороший музыкант. Поэтому делайте всё, но не в ущерб музыке.

Следующая встреча с Терменом у меня состоялась поздней осенью 1980 года. Лев Сергеевич входил в состав Постоянно действующей комиссии по электромузыкальным инструментам, которая дважды в год собиралась на свои заседания в разных городах страны. В этот раз заседание было назначено в Риге.

Леонид Иванович Федорчук также являлся членом этой комиссии. Собираясь в Ригу, он решил показать там, на заседаниях, наш новый синтезатор «Эстрадин-230». А в качестве демонстратора этого инструмента взял меня с собой.

Вот таким образом я оказался в Риге. С Терменом мы встретились, как хорошие знакомые. Его заинтересовал наш новый синтезатор. Он с большим удовольствием копошился среди его переключателей и регуляторов, отыскивая всё новые звуковые комбинации.

Рижане принимали нас, как самых почётных гостей. Нам устроили экскурсию в Домский собор, несмотря на то, что он в то время находился на ремонте. А смотритель собора позволил мне и Вайнтраубу, профессору Киевской консерватории, поиграть на органе, чем мы с огромным удовольствием и воспользовались.

Мы были приглашены на Латвийское телевидение в гости к Раймонду Паулсу, который показывал нам свои инструменты и студию звукозаписи.

А затем нам устроили вечер отдыха в Юрмале, в сауне Косыгина, Председателя Совета

Министров СССР, куда привозят только самых уважаемых людей. В этот раз в число таких гостей попала наша делегация.

84-летний Термен, «как самый молодой из всех нас», был заводилой этого вечера. Мужчины разделись и пошли в сауну, а он остался беседовать с дамами. Когда мы вышли из сауны, туда направились женщины. Лев Сергеевич был, как всегда, элегантен. Мы все ходили в плавках или купальниках, халатах и тапочках, а Лев Сергеевич был в чёрном костюме, белой рубашке и галстук. Он по очереди танцевал со всеми дамами, шутил, рассказывал смешные истории. Было такое ощущение, что он чувствовал себя, как на каком-то светском балу. Короче говоря, он дал фору всем молодым.

В гостинице вечерами мы приходили в номер ко Льву Сергеевичу, и он нам рассказывал о своей жизни, над какими изобретениями, в том числе секретными, он в своё время работал. О многих вещах я вообще услышал впервые, а те проблемы, которые он решал тогда, казались мне фантастическими.

В один из таких вечеров Термен поведал нам такое, что у меня, как говорится, чуть «не поехала крыша».

– Слышал ли кто-нибудь из вас когда-нибудь о микроскопии времени?– вдруг неожиданно спросил нас Лев Сергеевич.

Мы только пожали плечами. Не получив от нас вразумительного ответа, Термен продолжил:

– Когда мы рассматриваем в микроскоп какие-то сверхмалые объекты, например бактерии или что-то подобное, то мы увеличиваем их в тысячи раз. И что мы видим? Как правило, застывшую статичную картину. Но вы же знаете постулат Эйнштейна, что пространство и время взаимосвязаны. Я понял, что наблюдая микромир и изменяя линейные масштабы, необходимо также изменять и масштаб времени.

Я придумал специальный лентопротяжный механизм, который ускорял движение плёнки в кинокамере в сотни раз. Затем я соединил объектив кинокамеры с окуляром микроскопа и начал снимать, не поверите, человеческие сперматозоиды. Когда я проявил киноплёнку, то не поверил своим глазам. Моё сознание отказывалось реагировать на увиденное.

Мы ищем братьев по разуму в космосе, а они существуют в нашем микромире. Вы можете считать меня сумасшедшим, но у сперматозоидов существует разумная цивилизация со своей иерархией. В их армии постоянно проводятся турниры, в которых победитель убивает побеждённого. Выживает только сильный. И только сильнейший из всех сильных способен оплодотворить женскую яйцеклетку. В этом — смысл жизни сперматозоидов.

— А почему мы никогда об этом ничего не слышали в научных передачах и не читали в научных журналах?— спросил кто-то из нас.

— Эти исследования,— ответил Термен,— я проводил ещё в Америке в 30-х годах. А когда вернулся в СССР, меня арестовали, и мои все записи таинственно исчезли. До сегодняшнего дня я не знаю, сохранились ли они. Буду надеяться, что когда-нибудь кто-нибудь их найдёт и продолжит моё дело.

Последний раз я видел Льва Сергеевича в Москве летом 1981 года на Четвертой Всесоюзной научно-технической конференции по электромузыкальным инструментам, проходившей на ВДНХ СССР.

Мы привезли в Москву синтезатор «Эстрадин-230» и электроорган «Эстрадин-314». Лев Сергеевич с интересом рассматривал наши инструменты, давал свои замечания и предложения.

А потом я обратился к Термену:

— Лев Сергеевич, в данное время мы работаем над новым электронным баяном «Эстра-

дин-084», который будет на порядок выше своего предшественника — «Эстрадина-8Б». И доклад, который мы подготовили с моим другом и коллегой Яшей Тененбаумом, как раз и посвящён одному из новшеств, которое мы собираемся применить в новом электробаяне.

— А как называется ваш доклад?— поинтересовался Лев Сергеевич.

— «Полуавтоматическая система формирования звуковых ритмических посылок с басовым и аккордовым аккомпанементом»,— отпартовал я.

— Название доклада впечатляет. Уверен, что будет интересно. Ну что ж, увидимся после вашего доклада.

Но наш доклад Лев Сергеевич так и не услышал. По каким-то причинам он больше не появлялся на конференции.

Уже находясь в Израиле, я узнал о том, что Лев Сергеевич Термен умер в 1993 году в возрасте 97 лет.

Однако память о наших с ним встречах всегда остаётся со мной. Я счастлив, что в своей жизни я был знаком с таким великим музыкантом, конструктором, изобретателем и Человеком с большой буквы.

«БОЕВОЕ» КРЕЩЕНИЕ

В августе 1971 года мне позвонил ответственный секретарь Житомирского областного отделения Музыкально-хорового общества УССР Э.П. Ящук:

– Альфред Михайлович, после Ваших демонстраций электронного баяна к нам обратились и наши нынешние ученики, и будущие, которые хотят учиться играть на электронном баяне у Альфреда Грибера.

– Это приятно слышать, но ведь я у вас не работаю, – возразил я.

– Мы объясняем им, что Вы у нас не работаете, и они могут учиться у любого другого педагога. Но они хотят заниматься только у Вас.

– Но ведь прежде чем играть на электронном баяне, им нужно научиться играть на обычном баяне, – привёл я свой очередной довод.

– Конечно, и мы об этом говорим, – согласился со мной Ящук. – Но они отвечают нам, что существуют, наверно, какие-то особые приёмы игры на электронном баяне, которым только Вы сможете их обучить. Поэтому я хочу предложить Вам перейти к нам на работу и организовать свой класс в любой музыкальной школе.

После такого заманчивого предложения я решил посоветоваться с мамой, Норой (моей женой) и её родителями. После долгих дебатов общим собранием было решено, что предложение стоит принять.

1 сентября 1971 года я приступил к работе в музыкальной школе № 2, которая находилась как раз напротив родительского дома по улице Карла Либкнехта в здании бывшей школы № 21.

Учеников у меня было много, поэтому я работал каждый день с полной нагрузкой. После работы я заходил проведать маму и дедушку.

Работалось мне очень хорошо, коллектив учителей попался дружный, ученики были усердные, старательные, некоторые просто талантливые. Поэтому я был доволен и работой, и собой.

Время от времени я приходил на завод в лабораторию электромузыки, где продолжал консультировать как музыкант своих друзей – инженеров и конструкторов. Электронный баян «Эстрадин-8Б» готовился к запуску в серийное производство.

Такая идиллия продолжалась почти четыре месяца.

Во второй половине декабря ко мне в школу вдруг пришёл Георгий Николаевич Невмержицкий, который, будучи председателем завкома, принимал меня на работу в заводской клуб. Мы радостно встретились, обменялись крепкими рукопожатиями. А потом Георгий Николаевич сказал:

– Меня к тебе прислал Николай Иванович – наш директор завода. Нужна срочно твоя помощь. Кроме тебя, это никто не сможет сделать. Поэтому Николай Иванович и просит тебя вернуться на завод.

– Как вернуться? – удивился я.

– Я тебе сейчас всё объясню, – продолжил Георгий Николаевич. – Дело в том, что завод выпустил первую серийную партию электронных баянов «Эстрадин-8Б» в количестве 10 штук. По приборам проверяем – все технические показатели вроде бы в норме. А инструменты не звучат нормально. И никто не может сказать, в чём причина. У нас в ОТК нет людей, разбирающихся в музыке. У инженеров-конструкторов из лаборатории тоже не имеется музыкального образования. Поэтому они не могут помочь нам в приёмке инструментов. Создалась критическая ситуация. На совещании у директора завода по этому вопросу было выдвинуто предложение

срочно привлечь тебя к работе по проверке и приёмке электробаянов. Лучше тебя их музыкальные свойства всё равно никто не знает. Николай Иванович поручил мне тебя найти, вернуть на завод и предложить тебе любые условия работы и оплаты. Что скажешь?

— А что говорить? Работа в школе мне нравится. Меня здесь уважают учителя и даже любят ученики. Но ради родного электронного баяна я готов вернуться на завод. Только какую должность Вы мне предлагаете?

— Я предлагаю тебе должность контролёра ОТК,— сказал Георгий Николаевич.

— Но я же музыкант,— напомнил я.— Поэтому я хочу, чтобы в моей трудовой книжке значилась работа, связанная с музыкой. А также мне безразлично, какой оклад я буду получать. Я теперь человек семейный, глава семьи, так сказать.

— Ну, все эти вопросы мы решим с Николаем Ивановичем,— заверил меня Георгий Николаевич.— Нам нужно твоё принципиальное согласие, а всё остальное — это уже дело техники.

На том и сошлись.

Через неделю мне на работу позвонил Георгий Николаевич:

— Слушай, Альфред, директор завода позвонил в наше министерство и решил вопрос в главке о названии твоей должности и персональном окладе.

— Так быстро?— удивился я.— И что там решили в отношении меня?

— Николай Иванович очень веско объяснил в главке, что время не терпит. И там пошли ему навстречу. Днями мы должны получить официально оттуда бумагу с указанием названия твоей новой должности и персонального оклада,— уточнил Георгий Николаевич.

— И что же мне будет предложено?— поинтересовался я.

— Значит так. Твоя должность будет называться следующим образом — «Контролёр-музыкант по проверке электромузыкальных инструментов». Ну как, нормально?

— Нормально, мне подходит,— согласился я.— А что за оклад будет у меня?

— Нам разрешили оформить тебя по самому высшему, шестому разряду, да ещё и как на горячих работах. Так что будешь у нас считаться кем-то вроде сталевара,— заключил Георгий Николаевич.

Затем мы подсчитали с ним, сколько это будет в денежном эквиваленте. Цифра, названная мне по окончании расчетов, меня вполне удовлетворила. Георгий Николаевич сказал мне, что как только официальное письмо придёт на завод, можно будет оформить меня через отдел кадров.

Через пару дней снова раздался звонок от заместителя начальника ОТК завода:

– Всё, Альфред, письмо пришло, можешь приходить оформляться, – радостно сообщил мне Георгий Николаевич.

– У меня могут возникнуть проблемы с увольнением из школы, – пояснил я. – Не может ли кто-нибудь позвонить в Музыкально-хоровое общество к ответственному секретарю Яшуку и полюбовно решить мой вопрос?

– За это не волнуйся. Я позвоню ему, – сказал Георгий Николаевич. – Если меня будет недостаточно, то сам Николай Иванович позвонит и всё уладит. Так что, подавай заявление об уходе и выходи 30 декабря на работу.

– А почему 30 декабря, а не с нового года? – удивился я.

– Нам обязательно нужно сдать первую промышленную партию электробаянов до конца года. Потому что 3 января, в первый рабочий день нового года, до 10 часов утра завод должен отправить телетайп в Министерство о выполнении годового плана. От этого – и прогрессивка, и другие премии, – объяснил мне Георгий Николаевич. – Так что, от тебя многое зависит. Ты должен обеспечить выпуск в свет новых инструментов до конца года на высоком качественном уровне. Чувствуешь, какая ответственность ложится на тебя?

Вопрос этот был скорее риторический.

30 декабря утром я пришёл в цех № 4 на своё новое рабочее место. В цехе меня встретили заместитель начальника ОТК завода Георгий

Николаевич Невмержицкий, заместитель главного конструктора Виталий Иванович Волошин, начальник лаборатории Леонид Иванович Федорчук и ведущий инженер-конструктор Лев Моисеевич Фукс.

Все меня поздравили с новым назначением, а потом отвели в комнату ОТК. Здесь уже стоял наготове первый комплект электронного баяна.

И работа не просто началась, она закипела. Чувствуя возложенную на мои плечи высокую ответственность, я был необычайно строг и придирчив. Фронт работы был чрезвычайно огромен. Нужно было проверить качество обычного механического баяна, затем влезть в электронное звучание и найти, что там не так. И всё это в каждом из десяти комплектов.

Примерно через час-полтора в цех пришла целая делегация: директор завода Николай Иванович Невмержицкий, главный инженер Дмитрий Васильевич Ковальчук, начальник ОТК Анатолий Милентьевич Демченко, главный конструктор Евгений Евстафьевич Лашук, парторг завода Геннадий Георгиевич Старцев.

Все очень живо интересовались, как у нас дела, как идёт приёмка электробаянов. А Николай Иванович добавил, что от нашей работы зависит выполнение годового плана завода.

Однако мы и так понимали, что находимся в центре внимания. Описывать все детали нашей трудной и напряжённой работы нет смысла. В ней было задействовано большое количество людей как с нашего завода, так и с музыкальной фабрики.

Даже в такое напряжённое время то тут, то там раздавались анекдоты. Некоторые ребята пытались подшучивать надо мной, видя моё чересчур серьёзное отношение к порученной работе.

Леонид Иванович Федорчук подошёл ко мне и сказал:

– Ты на них не обижайся. Они тебя считают нашей неотъемлемой частью, поэтому и зубоскалят на твой счёт. Но, поверь мне, это всё, любя. Главное, что мы делаем наше общее дело. Поэтому я и хочу, чтобы ты был построже и повнимательнее. Мало ли кто чего не доглядел при таком аврале, да ещё и при общей усталости. И вот здесь как раз и необходимы твои строгость, придирчивость и принципиальность. Мне очень важно, чтобы первая промышленная партия наших электробаянов была безукоризненной. Ведь это заложит определённое мерило требований на будущее.

Такая поддержка Леонида Ивановича была для меня очень важна. Ведь я воспринимал Федорчука как своего старшего друга, как своего учителя и покровителя. Его авторитет был для меня непререкаем. Я понимал, что он является тем главным стержнем, вокруг которого всё это электромзыкальное явление вертится.

Я ушёл с работы в свой первый трудовой день контролёра ОТК лишь поздно вечером. Придя домой, я наскоро поужинал и, ответив на вопрос Норы «Ну, как всё было?» лаконичным «Трудно», улёгся спать.

Утром 31 декабря всё продолжалось, как и вчера. Руководители завода разных рангов в течение дня приходили к нам в цех, интересовались ходом работ, желали успешного окончания и уходили.

А мы оставались и продолжали вкалывать. Кто-то вдруг вспомнил:

– Ребята, а ведь сегодня новогодняя ночь!

– Да... – раздались вздохи из разных концов комнаты. – Дай бог встретить её дома в кругу семьи. Если Альфред не будет выпендриваться. А то ему и это не так, и то не годится.

– Ребята, – взмолился я, – я ведь не виноват. Я же хочу, как лучше.

– Мужики, – вмешался в разговор Федорчук, – не трогайте парня. Он ещё не привык к

вашим хохмам. Ещё примет всё за чистую монету. Лучше давайте исправляйте то, что он говорит. Быстрее будет.

Быстро ли, медленно ли двигалась работа, но к 8 часам вечера мы всё закончили. Электробаяны были упакованы и отправлены на склад готовой продукции.

Виталий Иванович Волошин позвонил директору завода и доложил о сдаче первой промышленной партии электробаянов на склад. Они ещё о чём-то беседовали по телефону. А потом Волошин нам рассказал:

– Ну, во-первых, у начальника цеха в сейфе лежит для нас подарок от директора завода. А во-вторых, уже есть первый покупатель нашего электробаяна.

– Когда это он успел нарисоваться? – спросил кто-то.

Здесь мне придётся сделать маленькое отступление от плавного течения рассказа.

Оказывается, в Житомир приехал в конце декабря 1971 года с концертами известный композитор Григорий Пономаренко, который, прослышав об электробаяне, загорелся желанием его приобрести. Он каждый день морочил голову Волошину одним и тем же вопросом: «Когда выйдут первые электробаяны?» Плюс ко всему, он ходил и к житомирским властям, и в обком партии, предлагая в обмен на электробаян написать песню о Житомире. И те, и другие «проглотили наживку» Пономаренко и каждый день бомбардировали директора завода телефонными звонками с тем же вопросом «Когда?»

В конце концов, Пономаренко написал песню о Житомире. Что интересно, он написал не только музыку, но и слова песни. Поэтому местным поэтам пришлось переводить слова этой песни на украинский язык. Куплеты песни я уже не помню, а вот припев могу привести на украинском языке:

«Мій Житомир, мій Житомир –
В тихім шелесті дібров.
Мій Житомир, мій Житомир –
Моя пісня і любов».

И вот за эту песню городские власти и обком партии продали Григорию Пономаренко электробаян из первой промышленной партии.

Спустя какое-то время на проходной завода были установлены часы с боем колоколов, воспроизведённых на электробаяне. А после колоколов довольно мощно звучала в исполнении того же электробаяна «Песня о Житомире» Григория Пономаренко. Это так понравилось местным властям, что они «попросили» дирекцию завода сделать то же самое на здании горисполкома. И ещё много лет эта мелодия оглашала окрестности и радовала местных жителей и гостей города.

Но история на этом не закончилась. Спустя несколько лет мы узнали, что Григорий Пономаренко был отличным предпринимателем от музыки. Разъезжая по стране со своими концертами, он почти в каждом городе продавал эту песню. Заменялось только название города. Так, вместо «Мій Житомир», проставлялись другие слова, например, «Мой Воронеж», или «Севастополь», или «Мой Хабаровск», или «Мой Челябинск», или «Благовещенск». А далее было всё одинаково. Вот такая история.

Однако, вернёмся в цех № 4 накануне нового 1972 года.

После сообщения Волошина о первом покупателе – Григории Пономаренко, начальник цеха отправился в свой кабинет и достал из сейфа пару бутылок чего-то горячительного. На скорую руку был подготовлен стол. Разлили содержимое бутылок по рюмкам, стаканам, мензуркам и прочим ёмкостям.

– Ребята, дорогие мои друзья и коллеги! – поднялся Леонид Иванович Федорчук. – Пер-

вым делом я хочу поздравить всех нас с наступающим Новым годом и пожелать всем здоровья, счастья и новых успехов.

– Ура-а-а! – закричали все дружно.

– Ребята, – продолжил Леонид Иванович. – Мы выпустили в жизнь наше новое детище – электронный баян «Эстрадин-8Б». Как и любой ребёнок, он родился в муках. И сейчас я хочу выпить за того человека, который во многом облегчил наши муки: муки создания, муки производства и муки выпуска нашего общего дитяти в свет. Он не производственник, он музыкант. Благодаря его таланту, его принципиальности, его старанию нам удалось сообща выиграть этот бой. Я хочу выпить за Альфреда.

– Будь здоров, дорогой! – продолжил Леонид Иванович, обращаясь ко мне. – Поздравляю тебя с «боевым» крещением!

ХУДРУК ПЕДИНСТИТУТА

Обычная работа контролёра ОТК цеха № 4 была для меня довольно рутинной. Я быстро освоился со всеми проверками и испытаниями электромузыкальных инструментов «Эстрадин-3М» и «Эстрадин-6». Электронные баяны появлялись в готовом виде и предъявлялись для проверки только в конце месяца. Я начал помогать другим контролёрам, научился проверять печатные платы, пайки, различные технологические сборки. Получая довольно приличную зарплату, я не мог себе позволить бездельничать на работе.

Как-то я заметил, что обычные баяны, поступающие в цех с музыкальной фабрики, бывают, мягко говоря, некачественными. Я об этом сразу же доложил по команде наверх. Разобравшись с этим вопросом, начальство вменило мне в обязанность осуществлять проверку этих баянов перед их поступлением в цех. Поэтому пару раз в месяц я приходил на склад внешней приёмки и проверял качество очередной партии баянов, прибывших с музыкальной фабрики. Бракованные баяны отправлялись после моей проверки обратно на фабрику.

Где-то в начале марта 1972 года я случайно встретился в городе со своей знакомой (ещё по работе в Доме культуры) Еленой Николаенковой. Мы поговорили о том и о сём, вспомнили о днях совместной работы. Лена начала расспрашивать меня, чем я сейчас занимаюсь, и я рассказал ей о своей нынешней работе. Она сказала мне, что работает сейчас в кабинете эстетики педагогического института. И вдруг Лена спросила меня:

– А тебе не скучно там работать? Ведь ты же творческий человек. Тебе ведь всегда нужно что-

нибудь новенькое делать. Идём работать к нам в институт. Нам как раз сейчас нужен такой творческий человек, как ты. У нас большая художественная самодеятельность. Очень много приехало учиться к нам студентов из Казахстана и Узбекистана. А ты ведь работал до армии в Казахстане. Смог бы организовать Ансамбль песни и танца из этих среднеазиатских студентов.

– А ведь ты, Ленка, права, – согласился я. – Что-то нет мне творческого раздолья в цеху. Я подумаю над твоим предложением. А ты пока прозондируй почву насчёт меня в институте.

– Хорошо, я прозондирую и позвоню тебе, – ответила Лена. – Только ты тоже долго не раздумывай.

На том и расстались.

Через несколько дней раздался звонок от Лены:

– Привет, я переговорила в институте кое с кем. В общем, с тобой хотят познакомиться поближе. Так что, приходи.

Мы договорились о времени моего прихода в институт, и я прибыл на смотрины к ректору. Он расспросил меня о прошлой и нынешней работе, о моём опыте руководства художественной самодеятельностью, о моём образовании. Примерно час продолжался наш разговор, в конце которого ректор сообщил, что он будет рад видеть меня среди сотрудников института.

На следующий же день я подошёл к заместителю начальника ОТК завода Георгию Николаевичу Невмержицкому. После взаимных приветствий я спросил его:

– Вы довольны моей работой, Георгий Николаевич?

– Да, и не только я. Все тобой довольны, – ответил он. – А чего это ты вдруг задаёшь мне такой вопрос?

– Понимаете, Георгий Николаевич, ту работу, которую я делаю сейчас, я могу делать и

дальше, но на полставки. Уверяю Вас, мной будет сделано то же самое, но за меньшую зарплату.

– Что-то я тебя не совсем понимаю,— недоуменно произнёс мой шеф.

– Да тут всё просто. Вы меня переводите на работу по совместительству на полставки. Я буду приходить тогда, когда для меня будет работа,— разяснил я.— А всё остальное время я буду работать в пединституте, куда меня пригласили художником.

Короче говоря, со мной согласились и оформили меня по совместительству на полставки. На таких условиях я проработал ещё три года.

Мой переход на работу в пединститут состоялся в марте 1972 года. Я был доволен работой, и мной были довольны. Кружки художественной самодеятельности работали отлично, потому что я подбирал хороших руководителей. Вот, например, хором у нас руководил будущий директор Житомирского музыкального училища Борис Антонович Свириденко. Ансамбль песни и танца узбекской и казахской молодёжи, созданный мной, успешно выступал на всех праздниках, внося своеобразный восточный колорит. Работал танцевальный коллектив, ставил свои спектакли СТЭМ (студенческий театр эстрадных миниатюр).

Чуть позже Лена Николаенкова со своим будущим мужем Сашей Лещёвым решили организовать вокально-инструментальный ансамбль. Пригласили в эту компанию и меня в качестве музыкального руководителя. Я согласился, и мы начали создавать серьёзный репертуар. И название мы придумали серьёзное — «Музикі» («Музыканты»). Не «Песняры», конечно, но тоже было красиво.

В состав ансамбля входили: Лена Николаенкова (бас—гитара), Саша Лещёв (соло—гитара), Славик Краснов (ритм—гитара), ударник Саша (фамилию его, к сожалению, забыл) и я (орган, фортепиано). Солистки-вокалистки периоди-

чески менялись, а вот солистом-вокалистом ансамбля постоянно был Владимир Шинкарук. На время написания данного рассказа он уже стал заслуженным артистом Украины и профессором Житомирского университета. А тогда он был для нас просто Вовка Шинкарук, очень хороший и красивый парень, отличный друг, великодушный и популярный певец, который мог с гитарой «держаться» зал не один час.

Наш ВИА «Музикі» был весьма популярен в Житомире, так как репертуар был довольно разнообразен: и классика, и народные песни, и эстрадные обработки, и собственные сочинения, и произведения вокально-драматургического жанра.

Было очень много выступлений: и на сцене родного института, и на концертных площадках города и области, и в городах соседней Белоруссии. В общем, было очень интересно работать всем вместе.

Проработал я в институте на должности художественного руководителя ровно два года, до марта 1975 года.

А ещё летом 1972 года Лена Николаенкова вдруг предложила мне:

– Слушай, Алик, давай поступать в наш институт на филологический факультет.

– А мне это зачем?— удивился я.— У меня уже есть музыкальное образование.

– Ну и что?— отпарировала Лена.— Будет ещё и филологическое образование. А вдруг ты не сможешь по каким-либо причинам работать музыкантом? Тогда будешь учить детей русскому языку и литературе.

Я подумал-подумал и решил, что Лена права. Теперь я бесконечно благодарен ей за эту идею.

Короче говоря, буквально в последний день я успел подать документы в приёмную комиссию. Впереди были вступительные экзамены.

Но это уже тема другого рассказа.

СТУДЕНТ – ЗАОЧНИК

Благодаря идее Леночки Николаенковой, моей коллеги, я решил поступать на филологический факультет Житомирского педагогического института имени Ивана Франко и буквально в последний день подал документы в приёмную комиссию. И так, спустя 8 лет, я снова решил учиться.

В институте к тому времени я проработал всего месяца четыре, поэтому меня ещё здесь мало кто знал из преподавательского состава.

Вступительные экзамены я сдал неплохо – 18 баллов из 20. И это несмотря на то, что я окончил музыкальное училище, где изучал общеобразовательные предметы, в 1964 году.

Первый экзамен – сочинение я сдал на «5». Я выбрал вольную тему: «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым». А что ещё я мог выбрать? Описание литературных образов я как-то подзабыл, а на вольной теме всегда можно развернуться. Вот я и развернулся. Написал об участии моей бабушки в Трипольской трагедии, о повешении белыми и чудесном спасении моего дедушки, о нашей с мамой эпопее на целине, о своей работе в Гурьеве.

На экзамене по истории СССР получил «4» только за то, что не помнил каких-то тезисов последнего партийного съезда. На экзамене по немецкому языку тоже получил «4», и вполне заслуженно, потому что по-немецки последний раз я говорил на экзамене в музыкальном училище.

А вот об экзамене по русскому языку стоит рассказать особо.

Писал я всегда грамотно, и это происходило чисто автоматически. Наверно, благодаря кни-

гам, которые я прочитывал в невероятных количествах. А вот правила я, конечно, помнил уже не совсем хорошо.

Два вопроса я преодолел быстро. Третьим вопросом была тема – «Правописание прилагательных с -н и -нн». Об исключениях «стеклянный, оловянный, деревянный» и «ветренный» я помнил. Но вот правила были как-то в тумане. Я написал большой список прилагательных с -н и -нн, рассортировал их так, как я считал нужным, и пошёл отвечать.

Экзамен принимала корифей русского языка института – Аза Феодосьевна Папина. Первые мои два ответа на вопросы в билете у неё не вызвали никаких сомнений. Когда я перешёл к изложению правописания прилагательных, я почувствовал, что Аза Феодосьевна как-то оживилась. Она слушала, не прерывая. Лишь где-то в уголках её рта я заметил «джокондовскую» улыбку.

После окончания моего ответа Аза Феодосьевна сказала:

– Вы знаете, я поставлю вам «5». Но это не потому, что вы всё так хорошо знаете. А потому, что вы так всё логично изложили о правописании прилагательных, что я начала сомневаться в том, правильно ли стоставлены наши учебники?

А через четыре года Аза Феодосьевна Папина стала научным руководителем моей дипломной работы, которая писалась как диссертация с учётом на будущее. Но об этом чуточку позже.

Итак, 1 сентября 1972 года я стал студентом 1-го курса филологического факультета заочного отделения Житомирского педагогического института.

От сессии к сессии моя учёба продвигалась хорошо. Особенно меня заинтересовали старославянский и древнерусский языки, которым нас обучала старший преподаватель Ида Овсеевна

Федоровская. Заметив мой интерес к этим дисциплинам, она посоветовала написать студенческую научную работу на республиканский конкурс. В то время я очень серьёзно увлекался нумизматикой. Поэтому как-то сама собой сформировалась тема будущей работы – «Лексика денежных единиц Древней Руси IX–XIII веков».

Под руководством Иды Овсеевны я написал эту работу, будучи студентом 4-го курса. Ида Овсеевна – замечательный человек и мой большой друг. Она как чуткий и внимательный педагог очень помогла мне в моих исследованиях, за что я ей бесконечно признателен.

Во время написания этой работы мне удалось сделать лингвистическое открытие, что называется, «на кончике пера». А суть дела была в следующем.

Во всех словарях и справочниках было (да и сейчас ещё) написано, что слово «рубль» происходит от слова «рубить». Дескать, брали серебряный слиток, рубили его пополам и получали рубли.

Однако, углубившись в исторические и археологические исследования, я обнаружил, что в начале XIII века в Древней Руси, наряду с обычными денежными слитками, которые назывались «гривнами», появились новые слитки так называемого «двойного литья». Сначала заливали форму высококачественным серебром, а затем сверху добавляли низкопробное серебро. Между этими слоями был ясно виден шов или рубец.

Сопоставляя это данные, а также зная то, что новая реальность требует нового названия, я пришёл к выводу, что новые слитки с рубцом и были «рублями». Древнерусское слово «руб», означавшее «рубец, шов», и послужило основой для нового слова «рубль».

А рубить слитки стали позже, и эти отрубки-половинки получили название «полтина», от более позднего ещё одного названия рубля – «тин».

Моя научная работа в 1975 году была послана институтом на Республиканский конкурс студенческих научных работ 1975/76 учебного года. По итогам конкурса я был признан его победителем и награждён Дипломом Министерства высшего и среднего специального образования УССР и ЦК ЛКСМ Украины.

Когда в институте получили данный Диплом, был большой ажиотаж. Не каждый год студент Житомирского пединститута удостоивался звания победителя такого конкурса. Было устроено торжественное собрание, на котором мне и вручили Диплом победителя.

Ида Овсеевна Федоровская была рада, кажется, больше меня:

– Какой успех!– восклицала она.– Теперь тебе открыта дорога в науку. Ты уже заявил о себе. Нужно перерабатывать эту работу в дипломную. Я убеждена, что тебе разрешат защищать дипломную работу вместо сдачи государственного экзамена.

И я снова засел за работу. Но тут вскоре ко мне опять обратилась Федоровская:

– Я должна тебе кое-что разъяснить. У тебя, действительно, есть большое научное будущее. Но я не смогу помочь тебе подняться на вершину. Мы с тобой оба евреи. Поэтому научный руководитель-еврейка тебе не годится. Я поговорила с нашей Азой Феодосьевной, и она согласилась быть твоим научным руководителем. А я всегда буду помогать тебе, чем только смогу.

Таким образом, моим научным руководителем стала доцент Аза Феодосьевна Папина. Да, та самая, которая принимала у меня вступительный экзамен по русскому языку.

Аза Феодосьевна сразу сказала мне:

– Мы с Вами, Альфред, писать дипломную работу не будем. Она, фактически, у Вас уже написана. Мы будем готовить диссертацию, которая Вам понадобится для защиты в аспи-

рантуре Киевского университета. А здесь в институте при защите дипломной работы мы её обкатаем.

Целый год я под руководством Азы Феодосьевны и с помощью Иды Овсеевны доводил мою научную работу до совершенства. А через год я защищал её перед государственной комиссией.

Уже в наши дни мой давнишний друг Владимир Шинкарук, ныне профессор Житомирского университета и заслуженный артист Украины, как-то в разговоре с заведующей кафедрой славянских языков этого же университета Натальей Месяц упомянул моё имя. Она сразу вспомнила меня и сказала, что до сих пор очень хорошо помнит мою блестящую защиту дипломной работы. А ведь прошло более 30 лет.

Если тебя помнят столько лет, значит, всё было не напрасно.

Правда, некоторые чиновники от науки заявляли мне в то время: «Да Вы, вообще, кто такой, чтобы спорить с маститыми, признанными учёными, словарями и энциклопедическими справочниками?» Официальные инстанции не хотели слушать мои доводы и не воспринимали меня всерьёз.

Так и хотелось мне им ответить словами Аркадия Райкина: «Ребята, вы хорошо устроились!»

Но как приятно было чувствовать себя победителем в этом извечном споре, когда на официальных сегодняшних сайтах России я увидел, что моя точка зрения на происхождение названия русской денежной единицы «рубль» является уже главенствующей.

Как восхитительно то, что спустя 30 с лишним лет те идеи, которые я высказывал, и те гипотезы, которые я выдвигал, приобретают официальное признание! И дело уже даже и не в научном приоритете.

Но вернёмся в 1977 год. Когда я окончил институт и получил диплом учителя русского языка и литературы, передо мной встал выбор. Что делать и куда идти? Что выбрать – синицу в руке или журавля в небе?

Аза Феодосьевна настаивала на моём поступлении в аспирантуру Киевского университета. А у меня на руках 10-месячная дочь, рождённая во втором браке, и жена в декретном отпуске. Занимаюсь я интересной работой, за которую получаю нормальную зарплату.

И я выбрал синицу. «Аспирантура, – решил я, – подождёт до лучших времён. Диссертация у меня лежит дома, кушать не просит. Защищу её позже».

И я продолжал работать инженером-конструктором в лаборатории электромузыкальных инструментов завода «Электроизмеритель». И только спустя 8 лет я начал работать по своей филологической специальности – учителем русского языка и литературы в школе.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Продолжая работать на полставки контролёром-музыкантом ОТК по приёмке электромузыкальных инструментов, я приходил на завод в те дни, когда предъявлялась к сдаче новая готовая продукция или нужно было проверить на входном контроле баяны, поступившие с музыкальной фабрики.

Если на завод приходили какие-то важные или почётные гости, меня также вызывали для демонстрации электромузыкальных инструментов.

После окончания всех этих работ я всегда шёл в лабораторию, чтобы встретиться с ребятами, которые корпели над разработками новых инструментов. Мы обменивались мнениями по тем или иным проблемам в области создания и усовершенствования заводских «Эстрадинов». Наши споры приносили удовлетворение обеим сторонам.

В один из таких дней в середине февраля 1975 года заместитель главного конструктора Виталий Иванович Волошин и начальник лаборатории Леонид Иванович Федорчук буквально «взяли меня в плен», зажав в углу коридора отдела главного конструктора.

Первым нарушил молчание Виталий Иванович:

– Альфред, ты нам нужен.

– И вы мне нужны, – ответил я радостно. – Поэтому я здесь, к вашим услугам. А что-то случилось?

Тут в разговор вмешался Леонид Иванович:

– Альфред, ты нам нужен здесь каждый день, а не пару раз в неделю. У нас к тебе есть вопросы, которые ты должен решать оперативно и регулярно, а не эпизодически от случая к случаю.

– Поэтому тебе нужно переходить к нам на работу в отдел главного конструктора, – продолжил Волошин.

– То есть, ко мне в лабораторию на должность инженера-конструктора, – уточнил Федорчук.

Прессинг был сильный, а силы были неравны – двое против одного. Пришлось сдаться на милость победителей. Но я, в принципе, не очень и сопротивлялся. Мне нравилась работа, которой занимались в лаборатории, мне нравился коллектив единомышленников во главе с Леонидом Ивановичем.

1 марта 1975 года я стал инженером-конструктором лаборатории № 23 КБ–2 ОГК завода «Электроизмеритель».

Первой моей серьёзной работой на новом поприще была подготовка к демонстрации электронного баяна «Эстрадин-8Б» на международной выставке «Связь-75» в Москве в мае 1975 года. Я повторял свой репертуар, совершенствовал мастерство, «обкатывал» выставочный образец.

16 мая мы загрузили в машину комплект электронного баяна со старыми звуковыми колонками, которые шли в серийном производстве. Новые колонки, разработанные специально для выставки, ещё не были изготовлены. Радиоткань для них пришлось сдирать с зарубежных образцов – наше снабжение не смогло достать хорошую ткань. Было решено, что их подвезут в Москву позже.

А вся наша лабораторная команда выехала в Москву поездом 19 мая. Открытие выставки было намечено на 22 мая.

А сейчас немного официальной информации об этой выставке.

Международная выставка «Системы и аппаратура связи» – «Связь-75» была организована по инициативе Министерства промышленности средств связи СССР. Оргкомитет выставки возглавил министр Э. К. Первышин.

В выставке приняли участие более 600 экспонентов из 24 стран. На территории Парка культуры и отдыха в Сокольниках на площади 26 тысяч квадратных метров был сооружён выставочный комплекс из 12 павильонов. В экспозиции выставки были представлены передовые на то время отечественные и зарубежные разработки в области радиосвязи, спутниковой связи, телевидения и радиовещания, измерительной техники, почтовой связи, радиоаппаратуры бытового назначения. В павильоне СССР демонстрировались более 3000 экспонатов.

И одним из них был наш электронный баян «Эстрадин-8Б». Когда мы привезли его 20 мая в павильон и распаковали, Дирекция выставки

забраковала внешний вид звуковых колонок и сказала, что не может выставить инструмент в таком виде на экспозицию. Тогда мы попросили Дирекцию послушать сначала звучание инструмента, а уж потом выносить свой вердикт.

Ребята выразительно посмотрели на меня и сказали:

– Сейчас от тебя зависит всё!

И я заиграл. С первыми же звуками «Эстрадина-8Б», заполнившими, казалось, весь павильон, жизненное пространство вокруг меня стало стремительно сужаться. Громадное количество народа, неизвестно откуда взявшегося, закрыло мне весь обзор. Но я продолжал играть, прекрасно понимая, что, может быть, это мой последний концерт на этой выставке.

Но, как оказалось, я глубоко ошибался. Когда затихли последние аккорды, раздались бурные аплодисменты. Вздвигнутая Дирекция уже не была так категорична. Напротив, нам сказали, что электробаян, конечно же, останется в экспозиции выставки. Относительно звуковых колонок было предложено закрыть их жёлтую ткань какой-нибудь красивой драпировкой до тех пор, пока не подвезут новые современные колонки. И ребята 22 мая как раз перед открытием выставки успели привезти эти новые колонки поездом из Житомира.

На нашем стенде, кроме электронного баяна, экспонировались также электромузыкальные инструменты «Вильнюс», «Юность-73», «Эмбас» и электрогитара-орган. Последний инструмент был сделан радиолюбителем из Прибалтики, который его и демонстрировал. Наш стенд являлся частью раздела «Товары народного потребления», который располагался недалеко от выхода из павильона.

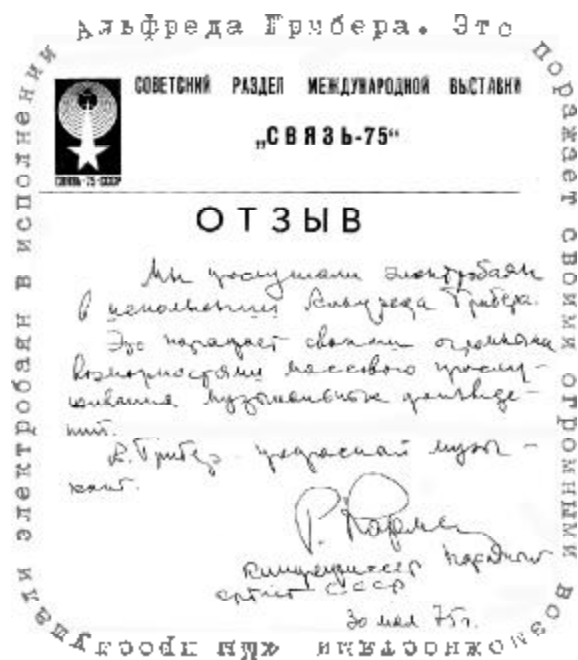
22 мая Председатель Совета Министров СССР А.Н.Косыгин открыл Международную выставку «Связь-75». Двухнедельный марафон

начался. Скажу, что за эти две недели выставку посетило около полумиллиона человек.

Сразу после открытия выставки все наши ребята, кроме меня и Эдика Кулаженко, уехали в Житомир. Мы начали ждать первую группу посетителей, в которой находились руководители страны, министры, почётные гости и все остальные начальственные лица.

Когда эта делегация во главе с Косыгиным подошла к нашему стенду, я нажал на баянные кнопки. Движение тут же прекратилось, и все остановились, как вкопанные. На лицах застыло недоумение, которое не исчезало до окончания музыки.

Один из сопровождавших Косыгина лиц обратился ко мне с вопросом:

– Скажите, пожалуйста, а какие средства записи фонограмм использованы в инструменте? И какой объём памяти носителей информации?

– Я вынужден вас разочаровать,– ответил я.– У нас нет ни магнитофонных записей, ни фонограмм. И никакой памяти в инструменте нет. Всё, что вы сейчас слышали, играл я один вот на этом электронном баяне.

– Фантастика!– качая головой, сказала спрашивающее сопровождающее лицо. И все остальные сопровождающие лица в знак согласия кивнули головами.

– Сыграйте, пожалуйста, ещё что-нибудь,– обратился ко мне Косыгин.

– С удовольствием, Алексей Николаевич,– ответил я.– Но чтобы никто не сомневался в том, что это играю я, а не какая-то фонограмма, любой человек может заказать свою любимую мелодию или песню.

– А Вы можете сыграть песню «Рябинушку»?– спросил кто-то.

– Евгения Родыгина?– ответил я вопросом на вопрос и напел мелодию.– «Вечер тихой песнею над рекой плывёт». Эту?

И, получив утвердительный ответ, заиграл мелодию песни «Уральская рябинушка» Родыгина. Оркестровку и аранжировку песни пришлось придумывать по ходу исполнения.

Когда музыка смолкла, Косыгин поблагодарил меня и ушёл, уводя за собой сопровождающие лица.

Но, как известно, свято место пусто не бывает. Освободившееся от официальных гостей пространство тут же было заполнено многочисленными посетителями выставки, которые начали просить меня ещё сыграть на электробаяне.

Удовлетворяя желание публики, я начал свой концерт. Однако примерно через полчаса ко мне подошёл представитель Дирекции выставки и попросил прервать демонстрацию инструмента.

Оказалось, что своей игрой я создал самую настоящую «пробку» в павильоне. Посетители входили сюда, но уже очень скоро не могли продвигаться, так как на выходе из павильона движение прекратилось полностью. Все стояли и слушали музыку.

Был объявлен перерыв или антракт. После небольшого совещания на стенде было вывешено расписание моих демонстраций-концертов. Полчаса – концерт, полчаса – перерыв. Таков был график моих выступлений.

Дирекция надеялась, что таким образом удастся избежать большого скопления народа около нашего стенда. Блажен, кто верует! Пока я играл, Эдик Кулаженко отвечал на все вопросы посетителей выставки и раздавал бланки отзывов. Когда музыка шла на перерыв, люди продолжали задавать вопросы уже нам обоим, а многие просто стояли и ждали следующего концерта.

Новые посетители, увидев скопление людей, которые ждали чего-то, спрашивали (по принципу «Что дают?» или «Что выбросили?»): «А что здесь будет?» И получив объяснение, тоже оставались ждать. Так что около нашего стенда всегда было много народа.

Слух о том, что в Сокольниках показывают какое-то музыкальное чудо, вмиг облетел Москву. Многие посетители приходили целенаправленно послушать электробаян, некоторые приходили по несколько раз с переносными магнитофонами.

Отзывов наш электронный баян собрал больше всех на выставке – несколько тысяч. Я приведу только некоторые из них, да и то в сокращении.

«Мы прослушали электробаян в исполнении Альфреда Грибера. Это поражает своими огромными возможностями массового прослушива-

ния музыкальных произведений. А. Грибер – прекрасный музыкант.

Роман Кармен, кинорежиссёр,
народный артист СССР».

«Качество и мастерство исполнения на электронном баяне выше всяких похвал! Такой инструмент в руках хорошего специалиста – целый оркестр.

Крымов, подполковник».

«Возможности «Эстрада-8Б» и, главным образом, демонстрация его исполнителем – отличные!»

«Сегодня мы впервые услышали электробаян и были восхищены! Он заменяет целый оркестр. Великолепное звучание! Благодарим за доставленное удовольствие исполнителя и всех создателей великолепного инструмента.

Инженеры Непочаток и Дубова».

«Очень интересный инструмент. Создаётся впечатление игры целого оркестра. Мастерское исполнение. Это очень интересно и здорово! Очень приятный тембр музыки.

Кирикова, экономист».

«Прослушав исполнение музыкальных номеров на электронном баяне, выражаю своё восхищение как игрой специалиста, так и возможностями инструмента. Широкий тональный диапазон, включение ударных инструментов делает установку, в целом, исключительно полезной, приятной для восприятия и эффективной для использования по назначению.

Представитель МПО «Рубин».

«В течение 25 минут очень внимательно слушал великолепный концерт, исполненный на электробаяне. Должен отметить весьма квалифицированное исполнение и подбор музыкальных инструментов. Честь и хвала разработчикам и изготовителям великолепного инструмента!

Начальник отдела МПСС».

«Отдел выставки, демонстрирующий новые электромузыкальные инструменты, вызывает восхищение. Выражаем особую благодарность тов. Гриберу А.М., демонстрирующему замечательные возможности всех представленных инструментов. Мы восхищены его прекрасным исполнением, выдержкой, тонким вкусом и очень хорошим репертуаром.

Семья Чубаровых».

«“Эстрадин” – инструмент великолепный. Прекрасно сочетание естественного голоса баяна с широкой звуковой гаммой электромузыкальных инструментов. Следует особо отметить исполнительское мастерство тов. Грибера А.М., в совершенстве освоившего тонкости инструмента. Его исполнение и звучание инструмента доставили нам истинное удовольствие.

Инженер А.Гейфман, г. Киев».

«Демонстрация электробаяна «Эстрадин–8Б» даёт возможность убедиться в его богатых тембровых возможностях и сравнительно высоких акустических качествах. Многому, естественно, способствует и высокое исполнительское мастерство демонстратора Альфреда Михайловича Грибера.

Почётный радист СССР Д.Самодуров».

«По-видимому, никого из побывавших на выставке «Связь–75» не оставил равнодушным редкий экспонат – электронный баян. Красивое и сочное звучание! Такой баян с успехом заменит большой оркестр. Это и было продемонстрировано на выставке баянистом, прекрасно владеющим инструментом. Хотелось бы чаще видеть выступление баянистов, играющих на электронном баяне по телевидению.

Старший инженер Рунов».

«Мы увидели и услышали чудо-инструмент! Это музыкальное чудо, когда один человек, в руках которого находился баян, заменил целый оркестр!!! Многие проходили и думали, что это

отличнейшие органные записи, и никто не подозревал, проходя мимо, что это исполнял один человек на баяне!!

Сотрудники химфакультета МГУ».

«Очарована звучанием электробаяна, представляемого в разделе «Электромузыкальные инструменты». Спасибо организаторам раздела за хорошую демонстрацию инструмента с прекрасным исполнением. Богатство звуков электробаяна заменяет целый оркестр.

Инженер Лыкова».

«Впервые слышим такую замечательную музыку в исполнении одного музыканта. Получили огромное удовольствие! Уходим под впечатлением игры «большого оркестра».

Сотрудники ЦРК имени Кренкеля».

«Невозможно описать то впечатление, которое оказала на меня выставка электромузыкальных инструментов. Это чудесно! Ваш баян – чудо, от которого невозможно оторваться. Какое богатство красок!

Инженер-конструктор
Московской экспериментальной
фабрики баянов А.Шляхов».

«Совсем случайно услышал звучание «Эстрадина». Это, кроме чудесного исполнения, чистый, кристальный звук. С точки зрения инженера-электроакустика могу сказать: прекрасно звучат низы – сочные и неназойливые.

Инженер Саамов».

«Никогда ничего подобного не слышал! Это чудо-инструмент!

Конструктор Волков».

«Мы удивлены и поражены разнообразностью звучания и тембров электронного баяна.

Студенты Фёдорова и Трояновский».

«Мелодии, исполненные на «Эстрадине», игру которого мне посчастливилось услышать, – настоящее чудо. Электронный баян – безуслов-

но, оригинальная творческая находка специалистов.

Инженер рижского завода ВЭФ
А.Тимерман.

«Первая встреча с электронным баяном вызывает удивление и восхищение. Стоишь, как зачарованный...

Старший преподаватель
2-го Московского
мединститута Г.Фенерли».

Это только некоторые из тех отзывов, которые мы с Эдиком Кулаженко не отдали в Дирекцию выставки и смогли сохранить у себя.

Ко мне обратились представители Всесоюзной фирмы звукозаписи «Мелодия» с предложением записать в исполнении на электронном баяне грампластинку. Забегая вперёд, скажу, что эта запись была осуществлена в конце 1975 года, а грампластинка «Звучит “Эстрадин”» вышла в свет в начале 1976 года.

После закрытия выставки «Связь–75» состоялось награждение лучших экспонатов, экспонентов и демонстраторов. Я как демонстратор получил ценный подарок – транзисторный приёмник и Почётный Диплом Оргкомитета и Дирекции советского раздела Выставки в ранге золотой медали за подписью министра Э.Первышина. Завод «Электроизмеритель» как экспонент был награждён Почётным Дипломом Торгово–промышленной Палаты СССР и Дирекции Выставки в ранге золотой медали.

Это было первое международное признание нашего электромузыкального инструмента – электронного баяна «Эстрадин-8Б». Первое, но не последнее.

Следом за электробаяном международное признание получили и другие наши электромузыкальные инструменты на Лейпцигской (ГДР) и Загребской (Югославия) международных ярмарках в 1978 и 1980 годах.

Но это мне в тогдашнем июне 1975 года ещё не было ведомо.

Сразу после торжественного закрытия выставки и награждения победителей мы с Эдиком вернулись к более прозаичным делам. Нужно было собрать и упаковать комплект электробаяна, погрузить его на машину, которая уже пришла из Житомира, закончить все формальности в Дирекции выставки, попрощаться и уехать на вокзал за билетами.

Эдик решил уехать домой сразу же на следующий день, в субботу. Мне пришлось задержаться ещё на день, поэтому я купил билет на поезд на воскресенье.

Когда поезд въехал на территорию житомирского вокзала и остановился, я вслед за другими пассажирами стал медленно пробираться к выходу из вагона.

И вдруг услышал мужской голос из тамбура:

– О, сколько цветов! Это, случайно, не мне? Может быть, вы все меня встречаете? Да, кому-то здесь повезло!

Не придав этим восклицаниям значения, я продолжал уверенно двигаться по вагону к тамбуру. Но как только я пересёк его границу, сразу раздались крики «ура!» Повернувшись направо, я увидел среди букетов дорогие лица моих друзей из нашей лаборатории: Лёни Федорчука, Льва Фукса, Миши Мандрыгина, Вали Комиссарчук, Вити Месниченко, Юры Бжестовского, Игоря Иваницкого и Эдика Кулаженко.

Сойдя по ступенькам вниз, я тут же попал в объятия встречающих. Меня передавали из рук в руки, обнимали, целовали, тискали. Я только успел крикнуть Эдику:

– Это ты всё подстроил?

– Бог с тобой, Алик!– крикнул он мне в ответ.– Я только сказал, что ты сегодня приезжаешь. Это всё Иваныч придумал!

Ребята забрали у меня чемодан и сумку, заваляли меня цветами, и мы все вместе двинулись в привокзальный ресторан праздновать победу. Празднование затянулось на несколько часов.

На следующий день прямо с утра Федорчук, Эдик и я были вызваны в кабинет директора завода. Николай Иванович радостно поприветствовал всех нас и поздравил с большой победой на международной выставке. Затем он сообщил, что через час мы должны быть в техкабинете, где состоится наш отчет о работе в Москве перед заводским активом и службами, принимавшими участие в подготовке электробаяна к выставке.

В 10 часов утра зал заводского техкабинета был заполнен до отказа. Наша пресс-конференция прошла празднично. Всех интересовали любые подробности нашего пребывания на выставке. Я продемонстрировал присутствующим в техкабинете свой Почётный Диплом и ценный подарок. Было объявлено, что Почётный Диплом, которым награждён завод, в скором времени придёт в Житомир.

Нас поздравляли, жали руки, высказывали слова благодарности. Чествование затянулось до обеда.

На следующий день был издан приказ директора завода о награждении денежными премиями лиц, обеспечивших достойное представление электронного баяна на Международной выставке «Связь–75».

А вскоре Почётный Диплом Торгово-промышленной Палаты СССР и Дирекции Международной выставки «Связь–75» украсил стенд наград завода «Электроизмеритель».

ЭЛЕКТРОБАЯН ЗВУЧИТ НА ГРАМПЛАСТИНКЕ

После одного из моих концертов-демонстраций электронного баяна «Эстрадин-8Б» на Международной выставке «Связь-75» ко мне подошёл один из слушателей:

– Здравствуйте! Я главный инженер Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия».

– Добрый день!– поздоровался я.

– Вы знаете, я здесь на выставке провожу уже не один день,– продолжил мой собеседник.– И каждый раз с большим удовольствием слушаю ваши концерты.

– Спасибо большое!– поблагодарил я за комплимент.

– Это вам спасибо! Ваш инструмент – просто чудо! А вы – прекрасный музыкант! Я уже рассказал руководству нашей фирмы о том, какие чарующие звуки я здесь слышал. Так что очень скоро ждите гостей из фирмы «Мелодия».

– Буду очень рад показать своим гостям электронный баян.

– А почему бы вам не записать весь ваш репертуар на грампластинку?– вдруг прозвучал вопрос.

– Вы это серьёзно?– удивился я.

– Вполне. У вас очень необычный инструмент, интересный репертуар. Люди с удовольствием будут слушать такую пластинку. Мы как-то записывали Ансамбль электромузыкальных инструментов под управлением Мещерина. Так Ваш электробаян звучит, как весь этот Ансамбль. Особенно вот это произведение – «На колхозной птицеферме».

– На самом деле эта пьеса называется «Петушиная полька». А написал её эстонский композитор Геннадий Подэльский,– вставил я своё

разъяснение.— Я поэтому и выучил это произведение, чтобы можно было сравнить звучание Ансамбля и электробаяна.

— И мне кажется, что ваше исполнение более интересно, потому что вы вставляете в эту пьесу звуки обычного баяна, чего нет в Ансамбле Мещерина. То же самое я могу сказать и о фокстроте «Цветущий май», где тоже у вас звучит добавка простого баяна.

— Вы заметили такие тонкости, которые не все слышат,— похвалил я собеседника.

— Я ведь работаю на фирме звукозаписи. Мне приходилось слышать много интересных исполнителей. Но вы и ваш электробаян покорили меня. Поэтому я и предлагаю вам записаться у нас на грампластинку.

— Понимаете, я здесь на выставке выступаю не как частное лицо, а представляю житомирский завод «Электроизмеритель», на котором разработан и внедрён в производство электронный баян,— заметил я.— Поэтому вопрос о записи его на грампластинку нужно решать с руководством нашего завода. Я вам дам телефоны начальника лаборатории электромusзыкальных инструментов и директора завода. С ними вы сможете обо всём поговорить.

— Хорошо, я согласен,— проговорил мой собеседник.— А вам я оставлю свою визитную карточку. Так, на всякий случай.

Я рассказал Эдику Кулаженко о своём разговоре с главным инженером фирмы «Мелодия», и мы решили, что нужно срочно позвонить на завод. В следующий свой перерыв я отправился в Дирекцию выставки, чтобы позвонить в Житомир Лёне Федорчуку.

Вот здесь мне придётся сделать небольшую вставку о наших отношениях с Федорчуком. Очень скоро после нашего знакомства в 1969 году мы, несмотря на разницу в возрасте, стали друзьями. Причём, друзьями настоящими. Наш

тандем, начиная с первой встречи, был настолько гармоничным, что мы понимали друг друга не то что с полуслова, а с полувзгляда. Мне imponировали Лёнины душевность, мягкость, интеллигентность, даже некоторая застенчивость, скромность, постоянное желание сделать что-нибудь приятное и неспособность обидеть.

В неофициальных ситуациях мы всегда называли друг друга по имени: я его — «Лёня» или «Лёничка», а он меня — «Алик» или «Аличек». После того, как Лёня стал моим начальником в марте 1975 года, ничего не изменилось. Но если он был в чём-нибудь неправ, по моему мнению, или я на него за что-то сердился, то начинал называть его по имени-отчеству и обращался к нему на «вы». Это ему страшно не нравилось. Он даже считал, что я специально это делаю, чтобы отдалить его от себя. Лёня всегда, при любой ситуации первым подходил ко мне и говорил:

— Ну, всё, Аличек, хватит. Я уже больше так не могу. Прости меня, если я виноват. И прекрати мне «выкатать». А то я тебя сейчас побью.

Мы шутивно «мирились», и всё продолжалось, как обычно.

Вот такой у меня друг — Лёничка Федорчук! Я считаю его своим «братом по жизни».

Итак, я пошёл звонить Лёне в Житомир. Девочки в секретариате Дирекции выставки мне явно симпатизировали, потому что сразу откликнулись на мою просьбу.

— Лёня, привет!— радостным голосом поздоровался я, услышав в телефонной трубке знакомый голос друга.— Это я, Алик.

— Аличек, родной мой, привет!— обрадовался Лёня.— Ну, как вы там с Эдикомживаете? Как проходит выставка?

— У нас всё отлично. Даём концерты по 8 штук в день, собираем отзывы, беседуем со слушателями, даём интервью прессе, радио и те-

левидению. Интерес к нашему электробаяну огромный. Можно сказать, купаемся в лучах славы.

– Как приятно это слышать, дорогой, – произнёс Лёня.

– Но я тебе звоню не для того, чтобы похвастаться. Тут есть одно серьёзное предложение от Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия». Мне предложили записать весь мой репертуар на грампластинку. Что ты на это скажешь?

– Алик, так это же победа! – закричал Лёня. – Ты представляешь, у тебя будет собственная авторская пластинка. Такие пластинки имеют только знаменитые музыканты. Теперь и ты станешь у нас известным на всю страну, а может быть, даже за границей. Глядишь, ещё и перестанешь с нами, простыми смертными, здороваться.

– Лёня, прекрати свои шуточки. Я ж с тобой серьёзно разговариваю, – начал я урезонивать своего друга.

– Извини, дружище. Я уже серьёзен, как никогда. Просто я очень рад за тебя.

– Лёня, но ты ведь понимаешь, что я не могу принимать такие решения. Поэтому я дал твой телефон и телефон Николая Ивановича. Руководство фирмы «Мелодия» с вами свяжется, а вы уже там всё решайте.

– Да, это мы всё сообща решим. Главное, что выпуск грампластинки с записью звучания электробаяна поднимет престиж как самого инструмента, так и нашего завода. Кроме того, такая грампластинка сможет послужить дополнительной рекламой для других наших разработок.

Мы с Лёней попрощались, и я вернулся на наш стенд, где и рассказал Эдику о разговоре с Федорчуком.

Где-то за пару дней до закрытия выставки к нашему стенду вновь подошёл главный инженер фирмы «Мелодия» и радостно сообщил:

– Всё, наши с вашими обо всём договорились. Запись назначена на осень этого года. Ваш завод закупает весь тираж новой грампластинки. Так что, Альфред, встретимся осенью у нас на фирме «Мелодия» на улице Станкевича.

Вернувшись после окончания выставки в Житомир, я начал серьёзную подготовку к записи грампластинки. Первым делом нужно было отобрать репертуар. Из всех произведений на электронном баяне, которые накопились у меня за эти годы, я отбирал для записи на грампластинку такие, в которых можно было показать все возможности инструмента. После долгих размышлений список был составлен:

И. С. Бах. «Органная токката ре-минор».

Л. Делиб. «Пищикато» из балета «Сильвия».

Н. Петти. «Колёса» из кинофильма «Бум».

Р. Колинзон. «Фантазия».

Г. Миллер. «Чаттануга-чуча» из кинофильма «Серенада Солнечной долины».

А. Попп. «Манчестер и Ливерпуль». Широко известная мелодия из прогноза погоды в программе «Время» по ТВ.

Р. Луна. «Жаворонок». Популярная мелодия из передачи ТВ «В мире животных».

«Русские напевы. Фантазия на темы русских народных песен».

«Попурри на темы современных зарубежных вальсов».

«Фантазия на темы песен В. Шаинского к мультфильмам».

«Фантазия на темы песен М. Таривердиева к кинофильму «Семнадцать мгновений весны».

Переложение, обработку и аранжировку данных произведений для электронного баяна я сделал самостоятельно. Затем все ноты данных произведений я переписал и отправил на фирму «Мелодия» для того, чтобы звукорежиссёры смогли составить свой план записи каждого произведения.

Нам было отведено для записи две рабочие смены, то есть два рабочих дня.

На запись грампластинок в Москву поехала целая команда во главе с Федорчуком. В назначенный день утром мы приехали на улицу Станкевича, где располагалась Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия». Нашему взору предстало старинное здание англиканской церкви святого Андрея, так называемая «кирха».

Именно здесь и располагались студии звукозаписи с уникальной акустикой. Именно здесь записывались все ведущие советские музыканты. Именно здесь записывал знаменитый аранжировщик Рей Конифф свою знаменитую грампластинку «Рей Конифф в Москве». Именно в этой студии мне суждено было записывать свою авторскую пластинку «Звучит "Эстрадин"».

Когда были установлены и электронный баян, и микрофоны, и ещё какая-то аппаратура, всех удалили из студии. Мне объяснили, как будет проходить запись, что можно делать и чего нельзя во время записи. Я остался один в огромном зале. Передо мной были только стены.

Меня попросили сыграть для пробы пару произведений, чтобы настроить аппаратуру для записи. Я начал играть, но скоро почувствовал какой-то дискомфорт, как будто мне чего-то не хватает.

Это заметил звукорежиссёр. Он прервал запись и попросил меня успокоиться и собраться. Мы снова стали записывать, и опять сбой.

— Что с Вами случилось? Вы себя хорошо чувствуете?— спросил меня звукорежиссёр.— Мне кажется, что Вас что-то беспокоит.

— Вы правы,— ответил я.— Мне очень некомфортно. Я никогда не записывался в студиях грамзаписи. Я привык играть для публики, для слушателей, а здесь передо мной голые стены. Мне очень трудно играть для стен. Мне нужны люди, для которых я буду играть.

После короткого совещания в студии прямо передо мной на приличном расстоянии расставили стулья и усадили на них моих друзей и работников студии, не занятых в записи. Их предупредили, что в студии во время записи не должно быть абсолютно никакого постороннего звука. Поэтому дышать им можно было только вдаль от микрофонов.

И дело сразу пошло на лад. Мои зрители очень внимательно смотрели на меня, старательно слушали мою игру и даже молча «переживали».

За первую смену мы записали пять произведений. После записи каждого произведения осуществлялось её прослушивание, потом принималось решение о качестве записи. Некоторые вещи приходилось записывать дважды и даже трижды из-за технических срывов и сбоя.

Зато на следующий день работа пошла уже проторенной дорогой. За рабочую смену мы записали, прослушали, а, при необходимости, снова записали и прослушали ещё шесть произведений. Такой напряжённой и нервной работы, как за эти два дня, у меня ещё никогда не было.

Домой мы возвращались победителями. У всех было прекрасное настроение. Шутка ли, мы записали пластинку! И не просто пластинку, а стереофонический диск-гигант. Меня, как основного виновника торжества, все поздравляли, обнимали, целовали. Было такое ощущение, что я опять вернулся с международной выставки.

А потом я получил гонорар за запись. Фирма «Мелодия» прислала мне, кажется, 143 рубля. Да разве в количестве денежных знаков было счастье? Я, обыкновенный житомирский музыкант, удостоился чести записать свою авторскую пластинку. Вот это было истинное счастье! Плюс ко всему, фирма обязалась подарить мне 50 авторских экземпляров пластинки.

В январе 1976 года меня вызвали в Москву на фирму «Мелодия», чтобы прослушать и утвердить мои записи перед сдачей их в производство. Я приехал на фирму и прогуливался по коридору административного корпуса в ожидании начала прослушивания записей.

По этому же коридору рядом со мной прохаживался ещё один молодой человек в дублёнке. Приглядевшись повнимательнее, я узнал в нём популярного певца Льва Лещенко. Слово за слово, мы разговорились, познакомились и выяснили, что оба ждём прослушивания своих записей.

Я рассказал Льву об электронном баяне и о будущей пластинке. Сказал, что записал 11 произведений. И тут он мне сообщает, что тоже записал для своей будущей пластинки ровно 11 песен. Мы улыбнулись такому совпадению. Я поинтересовался, какие песни мы услышим на новой пластинке. Лещенко перечислил мне их: «Я вас люблю, столица» Аедоницкого и Визбора, «Алёшенька» Мартынова и Дементьева, «За того парня» Фрадкина и Рождественского и «Белая берёза» Шаинского и Дербенёва.

А потом мы случайно выяснили, что родились тоже в один месяц – в феврале. Только Лев родился 1 февраля 1942 года, а я – 11 февраля 1946 года. Оба, так сказать, Водолеи.

Вскоре нас позвали, каждого в свою студию, на прослушивание, и больше с тех пор мы не встречались.

Стерефоническая грампластинка-гигант «Звучит "Эстрадин"» была изготовлена, кажется, в марте или в начале апреля 1976 года. Меня опять вызвали в Москву на фирму «Мелодия», где вручили мои авторские экземпляры в количестве 50 пластинок. А весь тираж этих грампластинок был переправлен на завод «Электроизмеритель».

Вот так и закончилась эпопея с записью моей авторской грампластинки.

Впоследствии эту пластинку вручали в качестве подарка особо важным и почётным гостям завода или города. А потом в каждый электробаян, выпускаемый на заводе, вкладывалась такая пластинка в качестве звуковой иллюстрации к инструменту.

А для меня началась пора раздачи автографов, пора признания, пора почёта.

Но самой дорогой для меня является та пластинка, на которой мои друзья по работе оставили свои пожелания и автографы:

«Нашему общему любимцу».

«Гриберу—эстрадину от всей души».

«Взлетевши высоко, друзей не забывай. С верхнего мануала больше падать».

«Гений – это человек, который знает, что у него талант, но, тем не менее, он продолжает работать в лаборатории № 23».

И лаконичное от Лёни Федорчука: «Целесообразно продолжать!»

И продолжение последовало. После выхода в свет в 1984 году нового шедевра – электронного баяна «Орион» («Эстрадин-084») был записан магнитоальбом «Звучит новый электронный баян «Орион». В моих переложениях, обработках, аранжировках и исполнении были записаны: «Фрагмент 1-й части симфонии № 40» В. Моцарта, «Токката» П. Мориа, «Органная токката ре-минор» И. Баха, «Рок-н-ролл», «Неудачное свидание» А. Цфасмана, «Землянка» К. Листова, «Я не могу иначе» А. Пахмутовой, «Миллионы алых роз» Р. Паулса, «Песня из кинофильма «Солдат Иван Бровкин» А. Лепина, «Вчера» Д. Леннона и П. Маккартни, «Розовая вишня и белый цветок яблони» Ж. Ларю, «Крыша дома твоего» Ю. Антонова, украинская народная песня «Ой, дівчина, шумить гай», «Песня о Житомире» Г. Пономаренко.

У меня в архиве до сих пор хранятся несколько пластинок «Звучит "Эстрадин"», которые напоминают мне о том чудном времени, когда мы были все вместе. Жаль только, что уже нет проигрывателя, на котором их можно прослушать.

Но и тут подспела помощь от члена нашего электромузыкального братства Игоря Иваницкого, который два года тому назад поместил на сайте «Журнал Житомира» следующий комментарий к моему рассказу «Моё детство в Житомире. Наша улица и её достопримечательности»:

«Уважаемый Админ. Если высокоуважаемый автор статьи не станет возражать, прошу Вас добавить к материалу следующую ссылку: <http://krokradio.zt.ua/audio/estradin.rar>. Альфред Грибер исполняет популярные мелодии на электронном баяне «Эстрадин-8Б», «Мелодия», 1976 год».

Я не возражал. Наоборот. Я записал несколько СД-дисков, которые раздарил своим нынешним друзьям.

На всякий случай, для тех, кто захочет послушать первый электронный баян «Эстрадин-8Б», я продублирую эту ссылку:

<http://krokradio.zt.ua/audio/estradin.rar>.

Слушайте и получайте удовольствие!

«АЛЬФРЕДУ ОТ АЛЛЫ...»

В сентябре 1977 года в Житомир с концертами неожиданно приехала молодая, но уже популярная певица Алла Пугачёва. Достать билеты на её концерт было просто невыносимо. Аншлаг был полнейший.

И тут меня вызывает к себе директор завода Невмержицкий:

– Альфред, у меня к тебе есть личная просьба. Но это только между нами, хорошо?

– Конечно, Николай Иванович. Я вас слушаю.

– Я хочу пригласить к нам в гости известную певицу Аллу Пугачёву. Подготовь, пожалуйста, несколько её песен на электронном баяне. Ей будет приятно.

– Хорошо, Николай Иванович, я всё сделаю, – заверил я директора. – А когда состоится встреча с Пугачёвой?

– Встреча назначена на послезавтра на вечер в нашем пионерском лагере на Богунии. Но это секрет. Об этом знает ограниченное число лиц. Проверь электробаян, настрой его, чтобы показать нашей гостье, на что мы способны. Я уже дал соответствующие распоряжения. Тебе во всём помогут.

Многие песни в исполнении Аллы Пугачёвой были у меня, что называется, на слуху. Я начал быстро аранжировать их для исполнения на электробаяне.

В назначенный вечер я уже был в пионерском лагере в полной готовности. В огромной столовой стоял длинный празднично накрытый стол. Как раз напротив стола у стены был установлен весь комплекс электронного баяна. Вдоль боковой стены была устроена выставка

– А хочешь, я тебя познакомлю с исполнителем, который играет на этой пластинке?– улыбаясь, произнёс Николай Иванович.

– Да, очень хочу,– встrepенулась наша гостья.– А как это можно устроить?

– Всё очень просто. Он сидит за нашим столом. Познакомься, вот это и есть наш Альфред Грибер.

Я встал со стула и, повернувшись лицом к Пугачёвой, кивнул ей головой.

– Альфред, дорогой, сыграй нашей гостье что-нибудь необычное,– попросил Николай Иванович, улыбаясь и слегка подмигивая мне.

Я вышел из-за стола, подошёл к электробаяну, надел ремни, быстро проверил все регуляторы и переключатели и посмотрел на сидящих за столом. Все замерли в ожидании.

Я медленно взял первые три аккорда, а затем продолжил уже в нужном темпе мелодию припева песни Мажукова «Очень хорошо!», которую пела на своих выступлениях Алла Пугачёва.

Я надеялся, что моё выступление понравится известной певице, но то, что произошло дальше, превзошло все мои ожидания. Алла вскочила со своего места, выбежала на середину зала и начала с восторгом танцевать, прыгать... Я не ожидал от неё такой реакции и был приятно поражён.

Когда музыка закончилась, Алла подбежала ко мне:

– Альфред, большое вам спасибо!– захавшись от танца, произнесла она.– Вы не представляете, какое удовольствие вы мне доставили! Я даже не могла предположить, что мои песни ещё кто-нибудь играет, кроме меня.

– Если позволите, я сыграю ещё одну Вашу песню,– предложил я.

– А какую?– спросила Алла.

– А вот эту,– проговорил я и заиграл знаменитое «Арлекино» Димитрова.

всех выпускаемых и разрабатываемых электромузыкальных инструментов, в том числе новый двухмануальный электроорган «Эстрадин-9». Заправлял организацией этого торжества бессменный начальник пионерского лагеря Григорий Янушпольский.

Примерно часов в 10 вечера прибыли машины с гостями. Из машины директора завода вышли Николай Иванович, Алла Пугачёва и ещё две девушки. Эти девушки, как потом оказалось, были вокалистками в ансамбле «Ритм», который сопровождал выступления Пугачёвой. Из второй машины вышли председатель профкома завода Георгий Николаевич Невмержичкий и директор Житомирской областной филармонии Анатолий Васильевич Город.

Николай Иванович на правах хозяина пригласил всех в столовую. Он и Алла сели во главе праздничного стола. Все остальные разместились по его обеим сторонам.

Первый тост директор завода провозгласил за Аллу и её талант замечательной певицы. Мы его дружно поддержали и приступили к трапезе.

Николай Иванович поначалу расспрашивал Аллу о том, как прошёл концерт, как ей понравился Житомир. А затем он начал рассказывать о наших электромузыкальных инструментах, обращая внимание гостей на выставку у стены. И вдруг Николай Иванович сказал, повернувшись к Пугачёвой:

– Алла, а ты знаешь, что в прошлом году на Всесоюзной фирме грамзаписи «Мелодия» вышла грампластинка стерео-гигант «Звучит "Эстрадин"», где записаны различные произведения, исполненные на электробаяне нашим музыкантом Альфредом Грибером?

– Ты удивишься, но я эту пластинку слышала. Кто-то из моих знакомых где-то достал её и принёс мне,– оживилась Алла.– Хорошие записи. И исполнение отличное.

И снова вспыхнуло веселье. Теперь к танцу певицы прибавилось её пение. Такого эмоционального «Арлекино» ни один зритель никогда не видел и не слышал. Такой эксклюзив в исполнении Аллы Пугачёвой видели только 7 человек, присутствовавшие на этом вечере.

После этого шоу мы вернулись к столу, и Алла предложила выпить за меня и мой талант. Все подняли свои рюмки и бокалы. Но Алла продолжила:

– Я хочу выпить с Альфредом на «брудершафт».

Она подошла ко мне, мы переплели наши руки с бокалами вина, выпили и поцеловались.

– Теперь мы с тобой на «ты». Не забудь это, – тихо сказала Алла.

– Не забуду, Алла, – пообещал я.

Николай Иванович подошёл к нам и протянул мне непонятно откуда взявшуюся мою пластинку:

– Подари нашей гостье на память свою пластинку.

Я взял пластинку и подал её Алле:

– Это тебе от меня!

– Спасибо большое! А где это видно, что от тебя. Могу я получить твой автограф? – спросила, улыбаясь, Алла.

– Конечно, – сказал я и начал искать по карманам ручку. Увидев протянутую мне Николаем Ивановичем ручку, я взял её и написал на обложке пластинки:

«Алле Пугачёвой от автора и исполнителя на добрую память». И расписался.

– Спасибо тебе ещё раз, Альфред! Вот теперь видно, что это твой подарок.

В продолжение вечера Николай Иванович попросил слова:

– Дорогие друзья! За нашим столом находится ещё одна знаменитость – лауреат Всеук-

раинского конкурса эстрадных вокалистов Георгий Николаевич Невмержицкий.

Все заплодировали.

– Жора, – обратился директор к председателю профкома, – спой мою любимую, пожалуйста.

Георгий Николаевич, явно смущённый таким поворотом событий, подошёл ко мне и тихо сказал:

– Пошли, сыграешь мне «Черемшину» в до-миноре.

Мы отправились к электробаяну. Я сел и заиграл вступление. Когда Георгий Николаевич начал петь, его красивый баритон заполнил весь зал. Было видно, что всем понравилось его пение. За первой песней последовала вторая. А потом оживились и две девушки-вокалистки. Они присоединились к Георгию Николаевичу, и новоиспечённое трио радовало всех популярными песнями.

Однако Николай Иванович не унимался. Лукаво улыбаясь и глядя Георгию Николаевичу прямо в глаза, он вдруг сказал:

– Друзья, вы ещё не знаете, что наш Георгий Николаевич – великолепный танцор. Давайте попросим его станцевать нам украинский «Гопак». Альфред, играй!

Я заиграл мелодию «Гопака», и все начали хлопать в ладоши. Георгий Николаевич снял пиджак и пустился в пляс. Он так залихватски плясал, что все заразились его энергией и присоединились к нему.

После танца все усталые, но довольные возвратились к столу, на котором появились уже горячие блюда. Слегка перекусив, я включил электроорган «Эстрадин-9» и начал наигрывать популярные мелодии.

Алла подошла ко мне и долго стояла, наблюдая и слушая мою игру. Потом обернулась к Николаю Ивановичу и спросила:

– Коля, а где ты отыскал такое чудо?
– Алла, ты о чём? Этот новый инструмент сделан у нас на заводе,— ответил директор.
– Да я не об инструменте, а об Альфреде. Он так же классно играет на органе, как и на баяне. Он же настоящий вундеркинд.
– Ты ещё скажи — тридцатилетний вундеркинд,— поправил я Аллу.
– А что, тебе 30 лет?— поинтересовалась она.
– Ну, если точнее, то уже 31 с половиной.
– Так ты, оказывается, на целых три года старше меня,— удивилась Алла.— Кто бы мог подумать? А выглядишь совершенным мальчиком.
– Если бы я был женщиной,— отпарировал я,— то поблагодарил бы тебя за комплимент. А сейчас я объявляю «белый танец». Дамы приглашают кавалеров.
Я вернулся к электробаяну и заиграл мелодию песни Тухманова «Белый вальс». Алла пригласила на танец Николая Ивановича, одна из девушек — Георгия Николаевича, а другая — директора филармонии Анатолия Васильевича. Затем я исполнил танго, а за ним — фокстрот, потом опять «по заявкам зрителей» — «Белый вальс».
Веселье наше закончилось где-то под утро. Расставаясь, Алла сказала мне:
– Вечером я приглашаю тебя на свой концерт в вашем театре. Придёшь?
– Но я не один, у меня есть жена,— ответил я.
– Значит, придёшь с женой,— уверенно заключила Алла. И, повернувшись к директору филармонии, произнесла:
– Анатолий Васильевич, Альфред с женой — вечером мои гости на концерте. Позаботьтесь об этом, пожалуйста.
– Конечно, Аллочка, что за вопрос,— пообещал Город.— Ваши гости — это наши гости.

Так закончилась эта удивительная ночь. А вечером мы с моей женой Машей, сами того не ожидая, присутствовали в городском театре на концерте Аллы Пугачёвой.

Прошло примерно полгода. 1-го или 2-го марта 1978 года меня вызвал к себе директор завода. Когда я зашёл в его кабинет, он встал из-за стола и пошёл мне навстречу. Мы поздоровались, и Николай Иванович пригласил меня присесть. Затем он сказал:

– Альфред, у меня опять к тебе личная просьба. Когда Алла Пугачёва была у нас в гостях в пионерском лагере, ей понравился наш авторитм «Эстрада-11». Я тогда пообещал ей подарить его, когда будет налажен серийный выпуск. Сам понимаешь, обещания надо выполнять, тем более, такой женщине, как Алле. Вот именно сейчас как раз подходящий случай выполнить своё обещание. На пороге 8 марта, и Алле будет приятно получить от нас такой подарок. Я не могу поручить такую деликатную миссию никому, кроме тебя. Ты лично знаком с Аллой, поэтому тебе будет легко выполнить это моё поручение. Вот все её телефоны в Москве. У Аллы во вторник 7 марта вечером праздничный концерт в Доме культуры издательства «Правда». Поезжай и вручи ей авторитм «Эстрада-11». Все соответствующие распоряжения я уже отдал. Оформляй командировку в министерство и отправляйся в путь.

Для тех, кто не в курсе, я хотел бы объяснить, что такое авторитм. Это автоматический ударный электронный музыкальный инструмент, который содержит имитаторы большого и малого барабанов, бас-тома и альт-тома, хетта, щётки по барабану, чокло и маракасов. В него заложены 16 готовых ритмов: румба, самба, мамбо, ча-ча-ча, джаз-рок, босанова, бит, фокстрот-1, фокстрот-2, танго, свинг, бегин,

марш, слоу-рок, баллада, вальс. Имеется также кнопочный секвенсор для создания собственного ритмического рисунка для большого барабана, малого барабана и щёток по барабану. И готовые ритмы, и собственные ритмические рисунки можно воспроизводить вместе и по отдельности в любых пропорциях. Можно также регулировать общую громкость, темп, баланс между тоновыми и шумовыми генераторами. Таким образом, данный инструмент может вполне заменить собой ударную ритм-группу ансамбля или небольшого оркестра.

Итак, получив задание, я быстро оформился, взял со склада «Эстрадин-11», сел в поезд и поехал в Москву. Здесь я сразу позвонил Алле, и мы договорились, что к определённому часу я подойду к Дому культуры издательства «Правда». Меня там будут ожидать её сотрудники, которые и проведут внутрь здания.

Во вторник 7 марта вечером я прибыл по указанному адресу и был, как сказано у Пушкина, доставлен к Пугачёвой. Мы поздоровались, обменялись новостями, и Алла удалилась готовиться к концерту. Я устроился на сцене за кулисами, где и прослушал весь концерт Пугачёвой.

После концерта Алла подошла ко мне и сказала:

— Извини, мне нужно немного отдохнуть после выступления. Ты пока пообщайся с моими музыкантами. Я им уже рассказывала о тебе. Так что у вас будут темы для разговоров. А потом я вернусь, и мы с тобой пойдём на маленький сабантуйчик, который устраивает в мою честь директор Дома культуры.

Время за разговорами с руководителем ансамбля «Ритм» Александром Авиловым, уже знакомыми мне девушками-вокалистками и музыкантами ансамбля пролетело быстро. Спустился где-то полчаса или чуть-чуть больше к нам присоединилась и Алла.

Я поздравил её с праздником 8 марта, передал привет от Николая Ивановича и вручил подарок — авторитм «Эстрадин-11». Алла была несказанно обрадована тем, что Николай Иванович не забыл её и выполнил своё обещание.

И тут вдруг мне в голову пришла одна мысль, и я спросил Аллу:

— У тебя есть моя пластинка с автографом?

— Конечно, есть, — ответила Алла. — Ведь ты сам мне её подарил, помнишь?

— Я-то помню. А вот у меня твоей пластинки с автографом нет. И я считаю, что это несправедливо.

— Так мы эту несправедливость мигом исправим, — заявила Алла и обратилась к своим музыкантам:

— Ребята, найдите, пожалуйста, срочно мою новую пластинку.

Через несколько минут пластинка была уже в руках Аллы.

— Ну, что тебе написать? — спросила Алла.

— Напиши, например, так, — раздумывая на ходу, протянул я. — «Альфреду Гриберу от Аллы Пугачёвой».

– Фу, как официально,— отвергла Алла моё предложение.— Давай попроще.

И, склонившись над обложкой пластинки, она написала:

«Альфреду от Аллы, с пожеланиями успеха».

– А вот здесь моя специальная подпись для друзей,— добавила Алла и расписалась, нарисовав рядом с автографом сердечко с каплюшкой из него капелькой.

Пластинку эту с автографом Аллы я храню уже много лет как воспоминание о наших встречах.

А потом мы с ней пошли в кабинет директора Дома культуры, где в честь Аллы был накрыт стол. Алла представила меня своим другом, известным музыкантом. За столом нас было всего человек шесть. Выпили за Аллу, потом за женский праздник. И тут вдруг Алла разоткровенничалась:

– Все говорят, что я известная певица. А вот совсем недавно, зимой, я вдруг заболела. Мы с дочкой дома одни-одинёшеньки, я лежу больная, с насморком, с температурой. Хлеба и молока некому было пойти купить. И никто не позвонил и не пришёл. Вот вам и известная, всеми любимая певица.

– А что, сама не могла позвонить друзьям в Москве, чтобы пришли и помогли?— спросил я.— Или позвонила бы нам с Николаем Ивановичем. Мы бы сразу приехали и навели у тебя порядок.

– В следующий раз я так и сделаю,— пообещала Алла.

Как-то в конце 1978 года мы пересеклись в министерстве с нашим директором завода. Николай Иванович обрадовался неожиданной встрече:

– Слушай, сегодня вечером у Аллы концерт,— и он назвал, уже не помню сейчас, какой-то зал.— Она меня пригласила. А ты по-

едешь со мной. И никаких возражений. Алла будет рада тебя увидеть.

Я, в общем-то, не очень возражал. И вечером Невмержицкий повёз меня куда-то на такси. Мы приехали в какое-то концертное заведение и зашли через служебный вход за кулисы. Нас сначала не пропускали, но кто-то из пугачёвской команды нас узнал.

Пройдя немного по коридору за сценой, мы увидели идущую навстречу нам Аллу в своём сценическом балахоне. Она заулыбалась и произнесла нараспев:

– Мальчики, житомиряне...! Как я рада вас видеть! Целоваться не будем, я уже в гриме. Идите, устраивайтесь! Увидимся после концерта.

А после концерта «бойцы вспоминали минувшие дни».

Вот и сейчас, глядя сквозь призму времени на современную Примадонну, я с тёплой улыбкой вспоминаю ту молодую женщину, которая написала мне на своей пластинке:

«Альфреду от Аллы...».

ВЕСЕННЯЯ ЛЕЙПЦИГСКАЯ ЯРМАРКА 1978 ГОДА

В рассказе о встречах с Аллой Пугачёвой я упомянул о том, что в марте 1978 года по поручению директора завода Николая Ивановича Невмержицкого привёз Алле в подарок разработанный нами авторитм «Эстрадин-11». Для того рассказа некоторые детали этой поездки были не очень существенны, поэтому я опустил их.

А всё дело в том, что 12 марта в ГДР открылась Лейпцигская ярмарка. А в павильоне СССР в экспозиции Украинской ССР в разделе «Музыкальные инструменты» должен был экспонироваться наш новый электромузыкальный инструмент – двухмануальный электроорган «Эстрадин-9». Стендистом-демонстратором раздела был назначен я.

В первых числах марта я приехал в Москву для оформления моего назначения в Торгово-Промышленной палате СССР. Выезд в Лейпциг был назначен на 8 марта.

Поэтому, вручив 7 марта Алле Пугачёвой подарок, я 8 марта сел на поезд и отбыл в ГДР.

В Лейпциге всех участников советской делегации поселили в международном отеле «Астория» в центре города. А затем мы сразу поехали на территорию ярмарки.

Не лишним будет заметить, что в то время я неплохо знал немецкий язык. У меня, вообще, есть способность к языкам, а тут я всего восемь месяцев назад окончил пединститут, где также изучал немецкий язык. Так что объясниться по-немецки и прочитать что-нибудь не очень сложное на немецком языке я мог.

В павильоне СССР была отведена большая часть экспозиции Украины, которая в свою

очередь была разбита на разделы, соответствующие той или иной отрасли. В разделе «Музыкальные инструменты» уже были размещены украинские народные инструменты, фортепиано, баяны и аккордеоны, выпускаемые разными предприятиями Украинской ССР.

Для электрооргана «Эстрадин-9» был выделен отдельный стенд. Это было сделано руководством экспозиции с учётом того, что новый инструмент будет пользоваться повышенным вниманием. В этом они не ошиблись. Подготовка всей экспозиции, в целом, и моего раздела, в частности, заняло пару напряжённых дней.

12 марта 1978 года Лейпцигская ярмарка была торжественно открыта. Мы ожидали прибытия государственной делегации ГДР во главе с Генеральным секретарём ЦК Социалистической единой партии Германии Эрихом Хонекером и Председателем Совета министров ГДР Вилли Штофом. Из-за ограниченности времени делегация проходила по павильону СССР, почти не задерживаясь у стендов. Все объяснения члены делегации получали, что называется, по ходу следования.

Когда главы делегации оказались в моём поле видения, я начал потихоньку играть, создавая музыкальный фон происходящему. По мере приближения важных гостей к моему стенду музыка усиливалась.

И тут случилось совершенно неожиданное для организаторов выставки. Хонекер и следовавший рядом с ним Штоф остановились и начали внимательно слушать звучание электрооргана.

Когда я закончил играть, мои слушатели не ушли, как ожидалось. Хонекер попросил меня сыграть мелодию песни «Подмосковные вечера», что я и сделал, к всеобщему удовольствию. И Хонекер, и Штоф, а за ними и сопровождающие их лица пытались подпевать электрооргану.

Создалась такая идиллическая картина единения народов и культур. Все улыбались и пели.

Когда мелодия смолкла, Хонекер сделал несколько шагов по направлению ко мне и протянул правую руку, произнося слова благодарности. Я встал из-за электрооргана, подошёл к нему и пожал протянутую руку. Следом за Хонекером мне протянул руку Штоф. Мы также обменялись рукопожатием и словами благодарности. И тут все сопровождающие лица стали подходить ко мне и пожимать мне руку, произнося «Данкэ шёён!». Я пожимал их руки и говорил «Битгэ шёён!». Постепенно делегация скрылась за поворотом.

Мои коллеги по выставке сразу начали давать мне советы, как лучше сохранить на моей руке отпечатки ладоней важных персон ГДР. Одни советовали больше не мыть руки вообще, другие предлагали надеть на руку целлофановый пакет, третьи предлагали альтернативу в виде перчатки. Я смеялся и радовался вместе с ними.

Потом к моему стенду вернулись представители Дирекции нашего павильона и руководители украинской экспозиции и начали поздравлять меня. Они уверяли, что такого ещё не было, чтобы правительственная делегация ГДР стояла у какого-либо стенда столь продолжительное время, проявляя неподдельный интерес к экспонату. Так что в день открытия ярмарки судьба выбрала меня «героем дня».

И это не было случайностью, потому что, кроме обычных посетителей, наш раздел посещали в среднем 25 делегаций в день. И все, без исключения, надолго «застревали» около моего электрооргана. Бывало, что народу около стенда собиралось столько, что подойти к нему было просто невозможно. «Эстрадин-9» пользовался большой популярностью и всегда был в центре внимания.

В украинской экспозиции принимали участие Дома моделей из Киева и Львова. Они привезли с собой целую коллекцию костюмов и манекенщиц. Первые показы мод прошли под музыкальное сопровождение магнитофонных записей. Почему-то это не очень понравилось Дирекции советского павильона и руководству украинской экспозиции.

Они обратились ко мне с просьбой организовать сопровождение показа мод живой музыкой электрооргана. Я согласился и подготовил целый ряд музыкальных произведений, подходящих к показу мод. Я даже придумал целую музыкальную композицию, в которую вплелись украинские и русские народные мелодии. Мне пришлось также немного поработать с манекенщицами, чтобы стилизовать их движения под народные мотивы.

Показ мод сразу преобразился и приобрёл некую театральность. И уже позже, через несколько дней, когда наши манекенщицы принимали участие в международном шоу «Мода-78», это помогло советской делегации не ударить в грязь лицом. Манекенщицы из других стран, в отличие от наших, очень профессионально передвигались под музыку. Можно сказать, даже шикарно передвигались. Поэтому наши девушки могли быть не хуже только за счёт театральности показа. И это нам всем вместе удалось.

Но зато у меня стало работы ровно в два раза больше. Сначала какая-то делегация подходила к моему стенду, и я давал свой концерт минут на 20. Потом делегацию уводили к другим стендам. В это время ко мне подбегали несколько человек из обслуживающего персонала нашего павильона. Мы хватали электроорган, усилитель и колонки, быстро перетаскивали всё это через служебный ход в зал, где де-

монстрировались моды. Пока делегация добиралась сюда, проходя все стенды экспозиции, я успевал всё подключить. Как только делегация рассаживалась, я начинал играть музыкальную композицию показа мод.

После завершения показа мод всё повторялось в обратном порядке. Мы быстро перетаскивали мой инструмент и сопутствующие устройства на своё место на стенде. А затем, с приходом новой делегации, весь цикл повторялся. Вот так весело, с музыкой, танцами, рокировками и игрищами проходил каждый день.

Ещё мне приходилось неоднократно выступать на разнообразных встречах и приёмах.

Посол СССР Пётр Андреевич Абрахимов и торговый представитель СССР в ГДР, посетив советский павильон и экспозицию УССР, прослушали мой концерт с большим интересом. А затем они пригласили меня в Берлин дать концерты для работников Посольства СССР и Торгового Представительства СССР. В Лейпциг из Берлина был прислан за мной и инструментом специальный автобус. Перед концертами гид показал мне все достопримечательности Берлина. Мои концерты в советском посольстве, а также в торговом представительстве, которое было расположено почти рядом с Бранденбургскими воротами, прошли с большим успехом.

А на обратном пути, уже вечером, мы подъехали к зданию военной школы в Карлхорсте, где в 1945 году был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии во Второй мировой войне. Здание охраняли советские солдаты. Мои сопровождающие из посольства куда-то сходили и привели советского офицера, который открыл нам дверь и запустил в зал, где и происходило это заключительное действие войны.

А на другой день последовало аналогичное приглашение от Общества дружбы СССР – ГДР. Там мне после концерта подарили огромное

количество сувениров, которые многие годы находились у меня в житомирской квартире.

А вечером мы гуляли по городу или шли в кино. У меня появился приятель из Запорожья – Михаил, который представлял какие-то металлоизделия. Он хорошо знал немецкий язык, и мы с ним совершенно спокойно бродили по городу.

Как-то в один из вечеров мой новый приятель говорит мне:

– Я привёз с собой воблу. Грех будет, если она здесь пропадёт. Пошли, ударим по пиву с воблой.

Мы зашли с ним в небольшой ресторанчик в центре города. Официант посадил нас за столик к двум дамам, мило попивающим лёгкое вино. Мы поздоровались, познакомились, разговорились, заказали себе пиво. И вдруг мой приятель спрашивает наших соседок по столу:

– А хотите мы вас угостим нашей русской рыбой?

– Какой рыбой?– поинтересовались дамы.

– Воблой,– отвечает Михаил.

– Что такое «вобла»?– переспросили женщины.

– А мы вам сейчас её покажем,– говорит Миша и достаёт из пакета газету с завернутой в неё воблой приличного размера.

Дамы, широко раскрыв от удивления глаза, с большим интересом разглядывали рыбу.

– Альфред,– обратился ко мне Михаил,– попроси у официанта ножик.

Я подозвал официанта и попросил:

– Принесите нам, пожалуйста, нож!

– Зачем?– удивился официант.

– Нам нужно разрезать рыбу, чтобы угостить ею наших дам,– ответил я.

– Какую рыбу?– спросил непонимающий официант.

– Вот эту,– сказал я и показал пальцем на рыбу, лежащую на газете около Михаила.

Лицо у официанта вытянулось так, как будто он увидел у нас на столе не рыбу, а, по меньшей мере, какое-то чудовище.

Пожимая плечами, он удалился, но вскоре вернулся, держа в руках кухонный нож. Не знаю, что он там сказал на кухне про этих сумасшедших русских, но нож оказался в руках моего приятеля.

Он начал медленно разрезать воблу на кусочки, превращая этот процесс в некое завораживающее действие. За другими столами стали приподниматься любопытные посетители, чтобы рассмотреть происходящее за нашим столиком.

Миша разрезал рыбу, почистил её и протянул каждой даме по кусочку.

– Только эту рыбу нужно есть с пивом,– добавил Михаил.– Официант, два пива, пожалуйста, нашим дамам.

Официант принёс ещё два пива, и священнодействие началось. Миша обучал дам, как нужно пить пиво, закусывая воблой. Дамы сначала осторожно пробовали воблу, а потом, видно, сочетание её с пивом им пришлось по вкусу. Мы пили и блаженствовали. Была полнейшая идиллия.

И вдруг этот наш мирный пир нарушил голос парня с соседнего столика:

– Что это чехи там делают?

Ему пытались объяснить сидящие с ним за столом, что, дескать, они пьют пиво с какой-то непонятной сухой рыбой. Но парень, как видно, перебрал лишнего, и его «потянуло на подвиги». А тут как раз оказались рядом какие-то, как ему показалось, чехи, которые что-то там делают, непонятное его разуму.

Он встал и начал продвигаться к нашему столику. Его пытались удержать соседи, но тщет-

но. Тогда ему наперерез ринулся официант и что-то быстро стал ему говорить на ухо. Парень слушал его, опустив голову, а потом, повернувшись к нам, спросил:

– Вы чехи или русские?

– Мы русские,– ответили мы с Михаилом почти одновременно.

– А-а-а,– протянул парень и уселся на своё место.

Как оказалось впоследствии, с русскими здесь предпочитали не связываться, чтобы избежать лишних неприятностей с властями и советскими военными, служившими в Германии.

Ну, а какая поездка за границу может обойтись без походов по магазинам. Уж на что я не большой любитель таких мероприятий, но тоже несколько раз посещал всякие лавки, магазинчики и большие универмаги.

Как-то раз я шёл по улице и увидел в витрине небольшого обувного магазинчика красивые ботинки на весенне-осенний сезон. Я зашёл в магазин, где меня встретили пожилой мужчина и молодая женщина.

– Добрый день!– поздоровался я.

– Добрый день!– ответили мне продавцы.

– Я бы хотел купить вот такие ботинки,– сказал я, указывая на понравившиеся мне ботинки в витрине.

– Какой номер господин предпочитает?– спросил мужчина.

– Я ношу обувь примерно 41-го размера,– ответил я, показывая на свои ботинки.

– Но у нас в Германии другие размеры,– сказал продавец.– Давайте я сниму мерку с вашей ноги.

Он принёс какие-то трафаретки, напоминающие стельки, и стал прикладывать их по порядку к моей стопе. Очень скоро был найден

мой размер, и женщина принесла ботинки. Я померял их, и мне показалось, что они немного тесноваты. Женщина принесла мне вторую пару ботинок, но и в них мне не было удобно. Я сообщил об этом продавцам.

— Не волнуйтесь,— успокоил меня продавец,— сейчас Клара сходит на склад и найдёт другую пару.

Клара ушла, а мы остались ждать. Прошло несколько томительных для меня минут. Но вот вернулась Клара, и я примерил уже третью пару ботинок.

— Мне кажется, что эти ботинки слегка великоваты мне,— сказал я.

— Я очень сожалею,— извиняющимся тоном ответил мне продавец,— но у нас сейчас нет других размеров.

Я уже был не рад, что затеял эти примерки, и мне хотелось поскорее покинуть магазин с его вежливыми хозяевами. Для человека, который в советских магазинах почти всегда получал «идеальное» обслуживание, такое обидительное отношение продавцов было чрезмерным испытанием моих чувств и нервов.

Я стал завязывать свои ботинки, намереваясь попрощаться и уйти, как вдруг продавец воскликнул:

— А почему бы вам не примерить, например, вот это ботинки?— и указал рукой на витрину, где стояли другие башмаки. Такого сервиса я уже вынести не мог.

— Давайте я зайду к вам в другой день. Сегодня мне уже надо спешить. Да и у вас я отобрал слишком много времени.

— Что вы, что вы,— заулыбались продавцы.— Мы всегда рады видеть вас в нашем магазине. На днях мы получим новую партию ботинок. Так что, милости просим к нам.

Я попрощался и вышел на улицу. И только здесь я облегчённо вздохнул. «Вот это сервис!» —

подумал я.— «Неужели и у нас в магазинах когда-нибудь так будет?» Вопрос так и остался риторическим.

У нас в Союзе просто ходили по магазинам, чтобы посмотреть, что, где, чего дают или «выбросили». Получить ответ от продавца считалось большой удачей. А здесь не успеешь переступить порог лавки или магазина, как к тебе устремляется продавец, а то и два. Раз человек зашёл в магазин, значит, он что-то пришёл покупать — вот логика здешних торговцев.

Знающие люди сообщили мне, что Германия славится женским нижним бельём. «Всё,— решил я,— пойду куплю жене подарки». Решить-то я решил, а размеры ведь я здешние не знал.

Пришёл я в большой многоэтажный универмаг, нашёл отдел женской одежды. Осмотрелся по сторонам, подыскивая «жертву». И тут я увидел женщину, которая и фигурой, и комплекцией, и, самое главное, объёмом груди соответствовала размерам моей Маши. Я подошёл к ней, поздоровался, извинился и всё это объяснил ей. Она улыбнулась и согласилась мне помочь.

Первым делом мы выбрали очень красивый ажурный бюстгальтер, потом нежную комбинацию и лёгкую кофточку. Я поблагодарил мою помощницу и поцеловал ей на прощанье руку. «Всё-таки мир не без добрых женщин, готовых помочь мужчине в трудную минуту»,— подумал я, оплачивая свои покупки.

В воскресенье 19 марта состоялось торжественное закрытие весенней Лейпцигской ярмарки 1978 года.

А в предпоследний день своего пребывания в Лейпциге я отправился в универмаг за ковром. Вернуться из-за границы без ковра — это было немыслимо для советского человека. Я перебрал несколько десятков образцов, пока не остановился на каком-то жёлтом ковре, разме-

ром 2X3 метра, с красивым орнаментом. С чувством «выполненного долга» я торжественно внёс его на плече в международный отель «Астория».

А на следующий день поезд Лейпциг – Москва увозил меня из ГДР.

Я покидал Германию с двояким чувством. С одной стороны, мне imponировали красота, чистота, порядок и ухоженность немецких городов, аккуратность, вежливость и пунктуальность немцев. Но, с другой стороны, глядя на пожилого или старого немца, я не мог отрешиться от мысли, что этот человек мог быть во время последней войны на Восточном фронте, мог прийти захватчиком на советскую землю, мог быть причастным к уничтожению 6 миллионов евреев. И это чувство не покидало меня все две недели пребывания на немецкой земле.

Я бы не смог жить в Германии, но приехать сюда один раз стоило хотя бы для того, чтобы достойно представить электронный орган «Эстрада-9» города Житомира в экспозиции Украины в павильоне Советского Союза на весенней Лейпцигской ярмарке 1978 года.

ОСЕННЯЯ ЗАГРЕБСКАЯ ЯРМАРКА 1980 ГОДА

1980-й год ознаменовался для меня новой заграничной командировкой. На этот раз судьба распределила меня в Югославию. В сентябре на Загребской ярмарке в павильоне СССР была запланирована экспозиция Украины, аналогичная той, какая была в Лейпциге два года тому назад.

Наш завод опять должен был представить электроорган «Эстрада-9» и его личного демонстратора Альфреда Грибера.

В августе всю украинскую делегацию, отбывающую в столицу Хорватии – Загреб, собрали на несколько дней в Киеве для знакомства, оформления документов, консультаций и чтения лекций на идеологические темы. Югославия – это не ГДР, объясняли нам, это почти капиталистическая страна. Поэтому каждый из нас должен быть идеологически подкован. Единственно ценное, что было на этих встречах, так это то, что мы все перезнакомились и сдружились перед будущей поездкой.

В Загреб я ехал через Москву, где оформлялся в Торгово-Промышленной Палате СССР.

Сама поездка на поезде была незабываемым событием. Сначала мы восхищались сказочной природой Карпат: изумительными горными лугами, разноцветьем трав, пасущимися отарами овец, нарядными домами, разрисованными цветами и голубками, аккуратными крестьянскими дворами, синими-пресиними склонами гор. Потом полдня мы провели в столице Венгрии – Будапеште, гуляли по улицам и площадям города. А затем на следующий день ехали вдоль озера Балатон и любовались прекрасными пейзажами.

В Загреб я приехал ближе к вечеру. На вокзале меня встретил представитель украинской делегации:

– Мы сейчас поедem в студенческий городок. Там для нашей делегации освободили целый дом. Так что будем жить большой дружной семьёй. Кстати, Вам ребята уже забили место в одной из квартир. Вечером Вас ждёт дружеская встреча.

И, действительно, не успел я добраться до своей комнаты, как вернулись из советского павильона ребята, с которыми я подружился ещё в Киеве. Мы быстро соорудили ужин и очень хорошо посидели, отметив начало совместной работы. А потом я предложил:

– Ребята, а давайте и дальше жить таким мужским братством. У каждого есть с собой продукты: копчёная колбаса, консервы, тушёнка и даже кое-что горячительное. Объединим это всё и будем питаться вместе. Сбросимся и образуем общий финансовый фонд для закупки хлеба, молочных продуктов, овощей, фруктов и ещё что нужно будет. Это нам позволит сохранить наши командировочные деньги для приобретения всяких дефицитных вещей для родных и близких.

– А что, Альфред дело говорит, – раздались голоса моих новых друзей. – И как это мы сами до этого не додумались? Вот что значит – умная еврейская голова. Всё, завтра идём вместе на рынок и в местный гастроном.

– А я предлагаю, – раздался чей-то голос, – назначить так называемого «дежурного по столовой», который будет, скажем, за полчаса перед обедом готовить общую трапезу. Он приготовит чай, нарежет колбасу, откроет банки с консервами или тушёнкой, приготовит овощи, помоем фрукты. А мы в обеденный перерыв сможем сразу приняться за еду. И быстро, и удобно.

– И кто же будет таким «дежурным»? – спросил кто-то.

– Да все мы по очереди, – ответил я. – Составим график на ближайшую неделю, а там посмотрим.

Мы собрали у всех продукты и сложили в большой холодильник. Потом подняли рюмки за успех «нашего предприятия».

А на следующий день я вместе со всеми поехал на территорию ярмарки в павильон СССР обустроить экспозицию Украины. Имея уже опыт работы на ярмарке в Лейпциге, все разделы экспозиции распределили по намеченной схеме. Мой раздел «Музыкальные инструменты» принял примерно тот же вид, что и в Лейпциге.

Для электрооргана была выделена отдельная эстрада. Показа мод на этот раз, к моему счастью, не было. Поэтому у меня было время походить и по павильонам других стран, и познакомиться с аналогичными разделами и музыкальными инструментами.

Сама ярмарка протекала относительно спокойно. И делегации, и обычные посетители, и мои концерты шли своим чередом.

По утрам очередной «дежурный по столовой» ходил в магазин покупать хлеб и молочные продукты, а через день под вечер мы всей компанией ходили на рынок за покупками.

Здесь рынок работал не так, как у нас на Украине. Когда в Житомире заканчивалась торговля, например, на центральном рынке, то на прилавках ничего не оставалось. Здесь же, в Загребе, на рынке круглосуточно лежали разнообразные овощи и фрукты на прилавках. Поздно вечером и ночью их накрывали каким-нибудь лёгким материалом.

Когда мы появлялись на рынке после трудового дня, ещё можно было купить достаточно много даров природы. Некоторые торговцы

нам даже снижали цены, потому что мы брали сразу много всего. А может просто они хотели побыстрее уйти домой. Не знаю. Но возвращались мы к себе в студенческий городок нагруженные как следует.

Объясняться с местными жителями было сравнительно легко. Сербохорватский язык, относящийся к славянской группе языков, оказался похожим одновременно и на русский, и на украинский, и на болгарский языки. Ну вот, например, «спасибо» по-сербохорватски «hvala», «пожалуйста» — «molim», «добрый день» — «dobar dan», «доброе утро» — «dobro jutro», «привет» — «zdravo».

Поэтому, более-менее, с местным населением объясниться мы могли. Тем более что многие люди в Хорватии говорили по-русски, так как в школах при Иосифе Броз Тито в обязательном порядке изучали русский язык. В Хорватии применялся латинский письменный шрифт. Однако это не являлось препятствием для чтения вывесок, названий магазинов, товаров, трамвайных маршрутов и даже титров кинофильмов.

Кстати, о кинофильмах. Такого разнообразного репертуара в кинотеатрах я не встречал даже в ГДР. Самые свежие современные фильмы лучших студий Америки и Европы предлагались вниманию зрителей. Я впервые увидел исторические фильмы еврейской тематики. Особенно на меня произвёл большое впечатление американский фильм «Бен Гур».

Что же касается эротических фильмов, то те фильмы «для взрослых», на которые в СССР не пускали детей до 16 лет, в Югославии могли считаться эротическими только для детей ясельного возраста, ну, в крайнем случае, младшей садиковой группы. Причём, к эротическим фильмам в Югославии совершенно не относили порнографические фильмы, которых здесь также было в избытке.

Если я уже затронул тему эротики, то мне было совершенно удивительно видеть в книжных магазинах изобилие различной эротической литературы. Она совершенно спокойно соседствовала рядом с обычными политическими, экономическими, научными, художественными и даже детскими изданиями. А уж сколько всяких юмористических журналов на эротические темы я видел в киосках и магазинах, просто и не перечислить. И что интересно, никакого ажиотажа вокруг этого я не замечал ни среди взрослых, ни среди молодёжи.

По всему городу были раскиданы киоски, типа наших «Союзпечать». Правда там, кроме газет и журналов на любую тему и с любимыми картинками, можно было купить жвачку, сигареты, презервативы, сувениры и другие разнообразные товары ширпотреба на все случаи жизни.

Теперь о транспорте. Систему городского транспорта Загреба составляли, в основном, трамваи. Для меня было неожиданным следующее обстоятельство. Я заходил в трамвай и покупал билет. Вдруг во время поездки мне захотелось выйти и прогуляться по городу или магазинам. Я выходил из трамвая, но сохранял свой билет. После прогулки я вновь садился в трамвай того же направления и ехал по ранее купленному билету в другом трамвае. И такое правило действовало в течение полутора часов без ограничения количества поездок. Можно было купить также дневной проездной на все виды транспорта, который был действителен до раннего утра следующего дня.

А у нас в Житомире, если уже вышел из автобуса, трамвая или троллейбуса, твой разовый билет уже для следующих поездок был недействительным. Хоть в одном направлении, хоть в разных. А о дневном проездном билете, да ещё и на все виды транспорта, мы на Украине вообще никогда не слышали.

В студенческом городке, где нас поселили, жизнь не утихала ни днём, ни ночью. Каждый вечер на специально оборудованных площадках выступали молодёжные ансамбли, под музыку которых можно было танцевать. Население нашего «советского» дома дружно вываливалось на улицу, чтобы повеселиться. Югославы принимали нас довольно радушно. По крайней мере, никаких инцидентов с местной молодёжью у нас никогда не было.

В общем, все дни, проведённые мной в Загребе, были чрезвычайно насыщены: работа в советском павильоне на ярмарке, походы на рынок и в магазины, посещение кинотеатров, вечера с концертами и танцами.

ОПЕРЕДИВШИЕ СВОЁ ВРЕМЯ

1-го марта 1980 года наша лаборатория электромузыкальных инструментов была преобразована в научно-исследовательский отдел товаров народного потребления (НИО–17) Специального конструкторско-технологического бюро (СКТБ) производственного объединения (ПО) «Электроизмеритель». Наш отдел теперь состоял из нескольких лабораторий и секторов. Увеличился штат отдела.

Появились новые электромузыкальные инструменты – электронный аккордеон «Эстрадин-8А», электронный баян «Эстрадин-182», электронный музыкальный синтезатор «Эстрадин-230», электронный орган «Солярис» («Эстрадин-314»).

Для тех читателей, кому эти названия ничего не говорят, я приведу некоторые характеристики данных инструментов.

Электронный аккордеон «Эстрадин-8А» и электронный баян «Эстрадин-182» разрабатывались как унифицированные инструменты. У них было по два небольших электронных блока и две педали. Было три канала образования тембров – оркестровые микстуры, аккомпанемент и синтез-регистры. Из звуковых эффектов присутствовали: частотное вибрато, послезвучие, перкуссия, повтор, «вау»-эффект, звуки ритмического сопровождения (барабан, щётки).

Электронный музыкальный синтезатор «Эстрадин-230» был предназначен для создания различных звуков в широком диапазоне частот. Это был мелодический (монофонический) инструмент с неограниченными тембровыми возможностями. Он мог воспроизводить любые звуки и шумы.

Электронный орган «Солярис» («Эстрадин-314») представлял собой компактный инструмент с клавиатурой в 4 полные октавы, обладал чистым звучанием и позволял добиваться как очень мягких, так и очень звонких тембров. Из звуковых эффектов присутствовали глissандо на две октавы вниз, фильтр для регулировки всех составляющих звука, частотное вибрато, тембровое вибрато, послезвучание, бриллианс для повышения общей яркости звучания на всех регистрах, подстройка диапазона в полтора тона. Мы осторожно назвали этот инструмент электроорганом. Но по сути, это был первый советский полифонический синтезатор, который, очень экономичными, я бы сказал, даже скупыми средствами позволял достичь эффектов звучания синтезатора. Это сразу заметили эксплуатирующие «Солярис» музыканты, которые назвали его «волшебным инструментом». Кроме того, в советское время, это был самый недорогой полифонический электромузыкальный инструмент, доступный даже школьникам.

Моя работа в НИО-17 была разноплановой. Как музыкант я участвовал в разработке всех музыкальных параметров, характеристик и эффектов наших инструментов, в настройке их звучания, в проверке их работоспособности, а затем в демонстрации их работы на показательных выступлениях: концертах, выставках, ярмарках, конференциях, торжественных мероприятиях.

Как филолог я разрабатывал всевозможную текстовую документацию на электромузыкальные инструменты: технические задания, технические условия, руководства по эксплуатации, руководства по ремонту. Это требовало от меня не только литературного мастерства, но и знания всех нормативных документов – ГОСТов, ОСТов, всяческих инструкций и положений.

Как инженер-конструктор я выполнял различные технические задания, связанные с разработ-

кой, настройкой, проверкой и внедрением в жизнь наших электромузыкальных инструментов.

И если бы меня тогда спросили, что берёт надо мной верх, то я бы ответил так:

– Раньше, безусловно, музыкант. А теперь две профессии – музыкант и инженер-конструктор – стали для меня одинаково важными.

Со мной в одной комнате работал Яша Тененбаум, который был, по моему мнению, асом цифровых схем. Мы с ним работали вместе ещё над авторитмом «Эстрадин-11». Я тогда разрабатывал музыкальные ритмы в 16 различных вариантах, а Яша их успешно воплощал в цифровые схемы. Мне нравилось с ним работать, потому что он был очень серьёзным, ответственным, думающим и, самое главное, талантливым человеком и инженером. А ещё Яша был хорошим товарищем все те годы, что мы провели вместе с ним в лаборатории.

Когда в нашем отделе началась разработка нового электронного баяна высшей категории «Орион» («Эстрадин-084»), одной из задач, которая встала перед нами с Яшей, была система аккомпанемента. Планировалось, что в тракте аккомпанемента будут звучать басы (бас-гитара, контрабас, баян), аккорды (ритм-гитара, пиано, баян), арпеджио (пиано) и ударные (большой барабан, малый барабан, бас-том, альт-том, тарелка, хет).

Все эти звуки должны были звучать в 16 запрограммированных ритмических рисунках (марш, диксиленд, босанова, танго, латин, афро, блюз, диско, рок 1–4, вальс 1–2, слоу-рок, свинг).

Предусматривались следующие режимы работы тракта аккомпанемента:

– исполнительский (басы, аккорды, большой барабан, хет);

– полуавтоматический (басы, аккорды, автоматическое воспроизведение ритмов ударными);

– автоматический (автоматическое воспроизведение ритмов ударными, басами, аккордами и арпеджио).

Просматривая патенты, я выяснил, что автоматический режим аккомпанемента разрабатывался в разных интерпретациях и в СССР, и за рубежом. Он применялся, как правило, в электроорганах. Основной недостаток подобных систем состоял в том, что басовый аккомпанемент, который во многом определяет музыкальную ценность ритмического рисунка, был очень беден и, в значительной степени, не зависел от исполнителя.

Я понял, что такие алгоритмы ни в коей мере не могли устраивать исполнителя, поскольку не давали возможности для его творчества.

В результате проведённых исследований и анализа музыкальной литературы мной был разработан алгоритм формирования басового аккомпанемента в зависимости от взятого аккорда и его обращения. Причём, каждому обращению аккорда должен был соответствовать другой басовый аккомпанемент.

Такой алгоритм, применённый, в частности, в электронном баяне, позволил бы получить рисунок басового аккомпанемента, ничем не отличающегося от игры бас-гитариста.

Яша Тененбаум с успехом претворил мои идеи в цифровые схемы. Реальные испытания на электронном баяне показали эффективность такого аккомпанемента.

К чему я это всё вам рассказал, утомив всякими техническими и музыкальными терминами?

А дело в том, что в 1981 году в Москве на ВДНХ должна была проходить IV Всесоюзная научно-техническая конференция по электромузыкальным инструментам. Я о ней уже упоминал в рассказе о моих встречах с Л. С. Терменом.

И вот мы с Яшей начали готовить доклад на эту конференцию по теме: «Автоматическая система формирования звуковых ритмических посылок с басовым и аккордовым аккомпанементом».

Теперь всё стало на место?

Интересен сам момент нашего с Яшей выступления на конференции. Когда нас пригласили на сцену, мы развесили свои схемы. Затем я встал за трибуну к микрофону, а Яша с указкой расположился около схем.

Я не спеша прочёл наш доклад, по ходу которого Яша указкой водил по схемам, наглядно демонстрируя таблицы и структурные схемы цифрового автомата.

Когда я закончил читать доклад, в зале не раздалось ни звука. Повисла тягучая тишина. Не было даже вежливых хлопков, какие обычно бывают после неинтересной лекции. Мы с Яшей стояли и чего-то ждали.

Прервал напряжённое молчание председатель конференции:

– Товарищи, может, у кого-нибудь имеются вопросы к докладчикам?

И тут из зала послышался чей-то голос:

– А нельзя попросить докладчиков прочитать свой доклад ещё раз? И, если можно, в чуть замедленном темпе? Мне кажется, что или мы чего-то недопонимаем, или ребята несколько опередили наше время. А может быть, и то, и другое вместе.

Председатель повернулся к нам и спросил:

– Вы можете выполнить эту просьбу?

Мы с Яшей переглянулись и ответили почти вместе:

– Конечно.

Я прочёл наш доклад ещё раз с чувством, толком и расстановкой, а Яша старательно иллюстрировал мои слова таблицами и схемами.

На это раз по окончании доклада раздалась аплодисменты и последовали уточняющие вопросы.

И я, и Яша, и наш доклад в этот день стали общим «сюрпризом» IV Всесоюзной конференции по электромузыкальным инструментам.

Наши с Яшей идеи и задумки были воплощены в новом электронном баяне «Орион» («Эстрада-084»).

Если представить себе звучание оркестра, то можно довольно чётко выделить в нём аккомпанирующую группу. Контрабас или бас-гитара ведёт басовую партию, ритм-гитара или рояль поддерживает ритм аккордами, рояль также может исполнять ритмические арпеджированные пассажи, ударная группа – большой ба-

рабан, малый барабан, бас-том, альт-том, тарелки, хет (двойные тарелки, управляемые педалью) – задаёт ритм музыкальному исполнению.

Представили эту звуковую картину? Так вот, это всё один к одному звучало, когда музыкант нажимал на кнопки аккордов в левой клавиатуре баяна «Орион».

Это была самая лучшая, самая совершенная система авторитета из всех, что тогда существовали в мире.

Глядя из нынешнего далёка в те восьмидесятые года прошлого века, можно без ложной скромности констатировать, что, на самом деле, мы с Яшей Тененбаумом тогда в чём-то опередили своё время.

СТРАСТИ ВОКРУГ «ОРИОНА»

Декабрь 1983 года. В нашем НИО-17 – радостное событие. У нас «родился» новый электромузыкальный инструмент – электронный баян высшей категории «Орион» («Эстрадин-084»).

Как и всем детям, родившимся под знаком Козерога, ему всегда был гарантирован успех в жизни.

У «Ориона» был элегантный внешний вид. Красивый пятирядный баян был специально разработан на Житомирской музыкальной фабрике. Электронный блок, педаль и два мощных громкоговорителя были оформлены в едином стиле, строгом и торжественном. К «Ориону» также прилагались микрофон и микрофонная стойка.

Следуя уже нашей установившейся традиции, сам, обычный пятирядный, баян сохранил своё звучание.

На правой клавиатуре электронным путём воссоздавались звуки традиционных музыкальных инструментов. Струнная группа включала в свой состав звучание скрипок и виолончелей. Духовая группа воспроизводила звучание различных деревянных и медных инструментов. Группа пиано включала в свой состав звучание фортепиано, рояля, хонки-тонк (слегка расстроенный рояль) и клавесина. Были здесь и три вида органов.

Все эти звуки можно было дополнительно видоизменять, обрабатывать и преобразовывать. Для этого существовали специальные регулировки характеристик звуков. Можно было также осуществлять тембровое преобразование звуков, использование эффектов «флэнжер» и частотного вибрато. Такие многочис-

ленные манипуляции создавали некое синтезаторное звучание.

На левой клавиатуре, выполняющей функцию аккомпанемента, было три режима работы. В исполнительском режиме при нажатии на кнопки басов раздавались звуки бас-гитары или контрабаса. К ним можно было добавить звук большого барабана. При нажатии на кнопки аккордов звучали ритм-гитара или фортепиано, к которым можно было добавить звуки хай-хета (педальной тарелки). Такой же режим работы существовал и в предыдущих наших моделях такого типа. В полуавтоматическом режиме работы добавлялось автоматическое воспроизведение ритмов ударной группой – большой барабан, малый барабан, бас-том, альт-том, тарелка, хай-хет. Было запрограммировано 16 популярных музыкальных ритмов. О том, как работал аккомпанемент в автоматическом режиме, я подробно описал в рассказе «Опередившие своё время».

Играть на электробаяне «Орион» было для меня истинным наслаждением. Он наделял музыканта безграничными возможностями. Уж на что я, достаточно поднаторевший в игре на различных электромузыкальных инструментах советского и зарубежного производства, и то не переставал восхищаться этим музыкальным чудом.

Играя на «Орионе», я ощущал себя одновременно и композитором, создающим эту музыку, и дирижёром оркестра, интерпретирующим дитяще композитора, и слушателем, жадно впитывающим прелестные звуки и ритмы. В полном смысле этого слова, «Орион» был настоящим оркестром. Причём, не одним оркестром, а многими: эстрадным, джазовым, русским народным, украинским народным, свадебным.

Прекрасно понимая, что новый электробаян будет пользоваться повышенным спросом у публики, я начал готовить концертную программу.

Первая официальная презентация электронного баяна «Орион» («Эстрадин-084») была назначена на пятницу 10 февраля 1984 года в клубе ПО «Электроизмеритель». Мы хотели совместить показ нового инструмента с важной для нас датой – 20-й годовщиной Дня электромузыки, праздника, посвящённого созданию первого электромузыкального инструмента на нашем заводе 12 февраля 1964 года.

А у меня, к тому же, 11 февраля намечался ещё один праздник – мой 38-й день рождения. Поэтому праздничного настроения было хоть отбавляй.

Вечером 9 февраля мы с ребятами проверяли готовность № 1 к завтрашнему торжеству. Я репетировал свою программу, отработывая ещё и ещё раз концертные номера.

Вдруг ко мне подошёл Лёня Федорчук и положил руку на баян, давая знак прекратить музыку. Когда стало тихо, Лёня сказал, обращаясь ко всем нам:

– Ребята, всё отменяется. Завтра ничего не будет. Мне только что позвонил парторг завода и сообщил, что умер Андропов. Поэтому все мероприятия откладываются на более поздний срок.

Для тех, кто не помнит, могу сообщить, что Юрий Владимирович Андропов был в то время Генеральным секретарём ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Так сказать, первым человеком страны. И даже больше, учитывая его 15-летнюю службу в должности Председателя КГБ СССР.

Пришлось нам и официальную презентацию нового электробаяна, и официальное празднование 20-летия Дня электромузыки переносить

на конец месяца. Правда, в недрах нашего отдела в пятницу 10 февраля, втихаря и досрочно, мы все вместе отпраздновали и День электромузыки, и мой день рождения.

Официальная презентация электробаяна «Орион» в клубе нашего объединения в конце февраля прошла очень успешно при большом скоплении публики и прессы.

А летом 1984 года на ВДНХ Украинской ССР в Киеве проходила выставка достижений Житомирской области. Совершенно естественно, что на этой выставке были представлены и электронный баян «Орион» («Эстрадин-084»), и его демонстратор – инженер-конструктор ПО «Электроизмеритель» Альфред Грибер.

В течение почти месяца я давал ежедневные концерты на центральной выставке столицы Украины. Мой труд не пропал даром, потому что вскоре я был награждён дипломом и медалью ВДНХ Украинской ССР.

Какой-то корреспондент написал в газете, что когда звучит новый электронный баян, то стены зала как бы раздвигаются, освобождая место для чудесной музыки.

Мой «сиамский близнец» по имени Лёня Федорчук всегда был рядом со мной. Мы с ним побывали на многочисленных республиканских и всесоюзных ярмарках, выставках, конференциях и разнообразных показах и презентациях. Казалось, что Лёню уже трудно было чем-то удивить, особенно в электромузыке, где он был корифеем. И вдруг, когда мы были в Москве на Всесоюзной оптовой ярмарке товаров народного потребления, он неожиданно сказал мне:

– Когда ты играл сегодня на «Орионе», я вдруг увидел то же самое, что и тот корреспондент, написавший в газете, что когда ты игра-

ешь, то стены раздвигаются. Я увидел, как стены Дворца спорта раздвинулись, крыша улетила, а на слушателей, окруживших тебя, ложилась зелень мая. И сразу запахло сиренью.

Зная поэтически эмоциональный характер моего друга, я спросил его:

– А ты не преувеличиваешь, дружище?

– Ты что, думаешь, что у меня «крыша ехала»? Нет, конечно!– воскликнул Лёня.– Я до сих пор чувствую, как по спине пробегают мурашки, и вижу это чудо зелени внутри Дворца спорта.

– Лёня, а ты, случайно, не влюблён, друг мой?– лукаво улыбнувшись, спросил я.– Уж больно у тебя сегодня романтическое настроение.

– А что, очень заметно?– смутился Лёня.

– Ещё как заметно. Давай, колись, кто она?

– Я познакомился с ней в Луцке, в прошлом году на ярмарке спорттоваров. Её зовут Светлана. Она живёт в Сумах и руководит отделом областного объединения «Спорттовары»,– начал колотиться Лёня. – Ты понимаешь, Алик, влюбился я, как мальчишка. Целый год я ждал встречи с ней. И вот сейчас она здесь, на этой ярмарке. Она была среди твоих слушателей и сказала мне, что просто потрясена нашим электробаяном и твоей игрой.

– Всё ясно,– подытожил я,– веди меня к ней. Будем знакомиться.

Мы познакомились со Светой и быстро подружились. Я ей очень много рассказывал о Лёне, о его талантах, о его работе, о друзьях. Оказывается, Света совсем не знала, что, по сути дела, Лёня и был тем человеком, который зачинал производство отечественных электромузыкальных инструментов ровно 20 лет назад.

Короче говоря, я ей открыл глаза на Лёню. И как после всего этого, скажите мне, она смогла устоять перед его обаянием? Да никак! И

сказал поэт: «Пора пришла, она влюбилась».

Я с радостью наблюдал за романтическими отношениями между Лёней и Светой. Ровно через год, летом 1985 года Света приехала в Житомир, и наши влюблённые поженились.

А потом Лёня уволился и уехал в Иркутск. Друг его детства, Коля Платицын, работал там генеральным директором ПО «Радиян». Я был с ним знаком, потому что Лёня время от времени приводил его к нам в лабораторию послушать новые электромузыкальные инструменты. Вот и летом 1984 года Николай Иванович был у нас в гостях и услышал «Орион». Он был настолько потрясён этим чудом, что решил во что бы то ни стало приобрести такой инструмент для своего объединения.

Так вот, Коля Платицын, узнав Лёнину историю любви, пригласил его к себе в объединение на работу заведующим лабораторией ОКБ с предоставлением квартиры молодой семейной паре.

Вот так летом 1985 года Лёня уехал из Житомира в Иркутск. Можно легко представить моё состояние в то время. Я прощался со своим лучшим другом, можно сказать, братом по жизни, «сиамским близнецом», с которым мы прошли бок о бок 16 лет. Я уже не надеялся, что мы когда-нибудь встретимся снова.

И тут вдруг приходит письмо от генерального директора Иркутского ПО «Радиян», в котором он просит наше объединение продать его объединению электробаян «Орион» из установочной серии. А также в письме содержалась просьба командировать в Иркутск инженера-конструктора Альфреда Грибера для демонстрации инструмента работникам объединения «Радиян».

В сентябре в Иркутск был отправлен комплект электронного баяна «Орион». А 27 октября, в воскресенье, рано утром, я вылетел из Киева в Иркутск. Полёт должен был продол-

жаться 10 часов, но из-за промежуточных посадок он продлился ещё на один час.

В Иркутск я прилетел, когда на улице уже начало темнеть. Я пытался разглядеть Лёню среди встречающих наш рейс. Каково же было моё удивление, когда рядом с ним я увидел и фигуру генерального директора Николая Ивановича Платицына.

– Привет, Аличек, дорогой мой!– обнимая и целуя меня, произнёс Лёня.– Как я рад снова видеть тебя!

– Привет, Лёничка, родной!– обнимая и целуя друга, приговаривал я.– Я уже и не надеялся свидеться с тобой.

– Скажи спасибо Николаю Ивановичу. Это он организовал тебе командировку к нам.

– Здравствуйте, Николай Иванович!– выпустив из своих объятий Лёню, повернулся я к генеральному директору и протянул ему руку.– Спасибо Вам за эту встречу!

– Здравствуйте, Альфред! Добро пожаловать в Иркутск!– сказал Николай Иванович, пожимая мою руку.– Мы Вас уже полтора часа ждём. Ну, слава Богу, Вы прилетели. Прошу в мою машину!

Мы двинулись к выходу из здания аэропорта. Николай Иванович подвёл нас к своему гендиректорскому лимузину и пригласил садиться. Сам Платицын сел рядом с водителем, а мы с Лёней устроились на заднем сидении.

Николай Иванович повернулся к нам и сказал:

– Сейчас вы оба едете отдыхать, потому что завтра, Альфред, у Вас будет напряжённый день.

– Николай Иванович, Вы могли бы отвезти меня в какую-нибудь гостиницу?– спросил я Платицына.

– В какую гостиницу?– встрепетнулся Лёня.– Ни в какую гостиницу ты не поедешь. Будешь жить у меня.

Я покорно поднял руки вверх. Мне было радостно, что мы с Лёней проведём вместе все дни моего пребывания здесь.

Мы ехали по вечернему Иркутску и разговаривали. Вскоре машина остановилась около какого-то дома.

– Это наше семейное общежитие. Вот здесь мы и живём со Светой,– сказал Лёня.

– Ребята, сегодня отдыхайте,– сказал Платицын,– а завтра милости просим на завод.

Мы попрощались с Николаем Ивановичем, и машина уехала. Войдя в подъезд дома, Лёня открыл ключом двери одной из квартир на первом этаже и пригласил меня войти. Навстречу нам уже шла Света. Мы с ней обнялись и расцеловались.

– Мальчики, раздевайтесь, мойте руки и к столу,– сказала Света.– Мы с Сашкой уже вас ждали.

– Света, понимаешь, самолёт опоздал на целый час,– начал объяснять Лёня жене.– Мы с Колей ждали его часа полтора.

Я зашёл в комнату и поздоровался с Сашей – сыном Светы. А потом мы все вместе сидели за столом, выпивали за встречу, ужинали, и я рассказывал все новости о наших ребятах, об отделе, заводе и городе.

Утром 28 октября, в понедельник, мы втроём – Лёня, Света и я – отправились на завод, который находился в двух кварталах от дома. Первое, что я увидел, пройдя через проходную завода, была громадная, почти в рост человека, красочная афиша следующего содержания:

«В конференц-зале завода 28 октября в 16.30 состоится встреча с конструкторами-разработчиками электронных музыкальных инструментов. Рассказ об электронной музыке – увлекательной области применения электроники. Демонстрация нового электронного баяна «Орион». «Человек-оркестр» – инженер-конструктор, лауреат Рес-

публиканских конкурсов исполнителей, композитор и аранжировщик Альфред Грибер. В программе: интерпретации классической, джазовой и лёгкой музыки. Приглашаются все желающие».

– Твоя работа?– спросил я Лёню, указывая на афишу.

– Нет, это всё Коля. Я только написал текст,– улыбнулся он.– Ну что ж, пошли ко мне в лабораторию, проверим инструмент.

Как только мы зашли в помещение лаборатории, Лёня представил мне всех своих сотрудников и сотрудниц. А потом мы с ним начали готовить весь комплекс электробаяна к работе. Все с интересом наблюдали за нами.

Но вот всё было подключено, я сел на стул, поставил себе на колени баян, надел ремни, проверил все переключатели, поставил ногу на педаль и ... вдруг тихо, постепенно усиливаясь, полилась мелодия «Токкаты» Поля Мориа, которой я всегда начинал свои выступления. Впечатление было такое, будто звучала запись оркестра Поля Мориа.

Звуки постепенно заполнили помещение. Люди, окружающие нас с Лёней, стояли в оцепенении. Было видно, что они находятся в состоянии шока.

В дверь стали заглядывать любопытные, привлечённые звуками музыки. Постепенно они просачивались в лабораторию и недоуменно застыли.

Лёня стоял передо мной и улыбался. Но я вдруг заметил, что у него подозрительно блестят глаза.

Когда музыка смолкла, мои слушатели продолжали стоять без движения.

– Ну как, вам понравилось?– спросил Лёня, поворачивая голову то налево, то направо.

– А как это...? А что это...? А откуда это...?– послышались неуверенные голоса.

– Вот это и есть тот самый электронный баян, о котором я вам рассказывал,– пояснил

Лёня, пытаясь незаметно протереть уголки глаз.– А это тот самый Альфред Грибер, который всё это исполняет.

– А можно ещё что-нибудь?– раздался женский голосок.

– Можно,– сказал я и заиграл «Органную токкату» Баха. Звуки органа разносились по лаборатории и через открытую дверь вырывались в коридор, где стояли те, кто не смог пробиться вовнутрь.

Когда затих ре-минорный последний аккорд, Лёня сказал:

– Всё, товарищи, расходимся. Нам нужно работать. Приходите на концерт в половине пятого в конференц-зал.

Несмотря, публика стала расходиться. Когда в лаборатории остались только сотрудники, Лёня попросил меня спокойно перепроверить весь инструмент, чтобы быть готовыми к показу.

Потом нам помогли перенести все составные части электробаяна в довольно большой конференц-зал завода. Там мы с Лёней всё подключили, проверили, выключили и пошли обедать.

Когда мы в 4 часа дня вернулись в конференц-зал, чтобы подготовиться к показу, там уже не было ни одного свободного места. Продолжающие прибывать люди заполняли собой все проходы. Только первый ряд сиротливо зиял пустыми местами.

В половине пятого в конференц-зал зашли руководители завода во главе с генеральным директором и заняли весь первый ряд. Мы с Лёней поднялись на сцену и получили свою долю аплодисментов.

Когда наступила тишина, Лёня начал свой рассказ об электромузыке вообще и о нашей электромузыкальной команде «Электроизмерителя» в частности. Наш годами проверенный тандем вновь заработал.

Мои концертные номера перемежались с рассказами и пояснениями Федорчука. Я знал скром-

ность своего друга, поэтому мне тоже пришлось кое-что объяснить публике:

— Если бы Леонид Иванович Федорчук не начал в 1964 году эпопею советских электромузыкальных инструментов, наша встреча с вами здесь сегодня бы не состоялась.

Успех выступления, длившегося около трёх часов, был ошеломляющим. После того, как мой концерт закончился, Николай Иванович Платицын поднялся на сцену и вручил мне Почётную грамоту под бурные аплодисменты присутствовавших в зале.

Во вторник 29 октября мне устроили экскурсионную поездку по Иркутску и его окрестностям. Николай Иванович прислал в моё распоряжение легковую машину с шофёром, а Лёня Федорчук попросил двух своих сотрудниц показать мне все достопримечательности города. День пролетел незаметно.

В среду 30 октября я почти весь день провёл у Лёни в лаборатории. Приходили какие-то музыканты, и я им рассказывал о возможностях «Ориона», а также показывал некоторые приёмы игры на нём. А потом мы погрузили «Орион» в заводской автобус, который прислал Николай Иванович, и перевезли его в актовый зал того семейного общежития, где жили Лёня, Света и Сашка.

Очень скоро актовый зал начал заполняться сотрудниками ОКБ объединения «Радиян». Их было человек 80 или больше. Сюда же стали стягиваться и жильцы семейного общежития.

И вот в такой почти неофициальной обстановке мы с Лёней оторвались, что называется, от души по полной программе. Я играл всё подряд и даже больше. Мы перепели все песни, которые помнили, и даже те, которые забыли. Это был удивительный вечер!

А в четверг 31 октября у нас состоялись выездные гастроли с экскурсией. Накануне Николай Иванович предупредил нас с Лёней, что мы все вместе поедem на озеро Байкал. Там было

запланировано наше выступление в каком-то подшефном Доме отдыха.

Утром мы снова загрузили электробаян в заводской автобус и отправились в увлекательное путешествие. Николай Иванович выступал в роли экскурсовода. Мы побывали в самых заповедных местах, я привязывал разноцветные ленточки к ветке дерева, на котором уже висели сотни таких ленточек, я черпал кружкой прозрачную воду из Байкала и тут же выпивал её, мы бродили по берегу озера и любовались его красотами. Незабываемое путешествие с потрясающими впечатлениями!

Потом мы приехали в подшефный Дом отдыха, где нас накормили прекрасным обедом. После небольшого отдыха мы начали готовиться к выступлению. Большой зрительный зал заполнился отдыхающими и работниками Дома отдыха. Как я понимаю, Николай Иванович заранее сделал нам рекламу.

И тут мы с Лёней, как и вчера вечером, разошлись не на шутку. Наше выступление длилось четыре часа без перерыва. Это был наш с Лёней рекорд. В Иркутск мы вернулись поздно вечером.

В пятницу 1 ноября по многочисленным просьбам работников завода мы устроили прощальный концерт прямо в помещении заводоуправления, в каком-то огромном холле с отходящими от него широкими коридорами. Народу было тьма. Прямо из цехов приходили в белых халатах люди, работающие во вторую смену. Те, кто уже закончили работу, не уходили домой. Все ждали встречи с чудом, встречи с прекрасной музыкой и прекрасным электромузыкальным инструментом, уже покорившим многие сердца.

На этом прощальном концерте не было сцены и зрительного зала. Слушатели были вокруг нас. Мы опять рассказывали и отвечали на вопросы. Я играл сначала свою программу, а потом всё, что просили слушатели.

А в субботу 2 ноября Николай Иванович и Лёня отвезли меня в аэропорт. Моя командировка закончилась. Неделя, проведённая у друзей в Иркутске, стала уже историей.

Прощаясь со своим другом Лёней Федорчуком, я надеялся, что госпожа Судьба ещё све-

дёт нас вместе на жизненном пути. И мы опять будем вспоминать всех наших друзей, которые были рядом все те годы, когда мы были вместе. И мы снова послушаем записи электронного баяна «Орион», вокруг которого кипели и чувства, и страсти.

МОЙ ДЕНЬ ЭЛЕКТРОМУЗЫКИ

В начале всех начал Бог создал наш Мир. Во всяком случае, так написано в Библии.

В начале XX века нашей эры молодой учёный и музыкант Лев Термен создал первый в мире электромзыкальный инструмент, которому впоследствии дали имя «терменвокс».

В начале 60-х годов XX века в Житомире на заводе «Электроизмеритель» был создан первый в СССР промышленный электромзыкальный инструмент «Эстрадин» (эстрадный инструмент).

А всё началось с того, что студент-первокурсник Одесского электротехнического института связи Лёня Федорчук услышал на студенческом балу, посвящённом встрече 1957 года, музыку, которая потрясла его своим фантастическим звучанием. Это играл какой-то зарубежный электроорган. Он влюбился в эти звуки раз и навсегда. И тогда само собой созрело решение посвятить свою жизнь созданию электромзыкальных инструментов.

Судьба свела Лёню с Виталием Ивановичем Волошиным, который, приняв его в свой конструкторский отдел Житомирского завода «Электроизмеритель», дал ему возможность начать экспериментировать с электромюзкой.

Первый электромзыкальный инструмент, созданный Федорчуком и Волошиным, представлял собой хаотическое нагромождение радиоэлементов, соединённых между собой на письменном столе. Клавиатурой были контакты реле, которые замыкались пальцами на печатную плату.

12 февраля 1964 года впервые данная конструкция была продемонстрирована комиссии во

главе с главным инженером завода А. Г. Назарчуком. В стенах лаборатории зазвучала электронная гамма – музыкальные звуки, рождённые электроникой. С этой поры ежегодно 12 февраля на заводе отмечался День электромюзки.

Я подключился к деятельности лаборатории в апреле 1969 года, когда начались работы по созданию электронного баяна «Эстрадин-8Б». С этого времени уже ни одно празднование Дня электромюзки не обходилось без моего участия. Да что там празднования! Для меня все последующие годы превратились в сплошной День электромюзки.

Я, как и Лёня Федорчук, влюбился в электронные звучания, открывая в них всё новые и новые горизонты для своего творчества. Каждый новый «Эстрадин», рождённый в совместных муках, расширял мой кругозор и заставлял искать новые краски и оттенки для музыкальной палитры. У каждого «Эстрадина» был свой неповторимый характер, свои привычки, свои предпочтения, свои любимые игры. И к каждому нужно было найти свой подход, свою тактику, свои решения.

А когда наши питомцы вдруг начинали капризничать, мне приходилось выслушивать их жалобы и претензии. Потому что приборы из-за ограниченности их параметров не всегда могли показать, что беспокоило тот или иной «Эстрадин». А мне, как музыканту, при тщательном и внимательном слуховом контроле, обследуя каждую кнопку, каждый переключатель, каждый регистр, каждый эффект инструмента, удавалось услышать, в каком его «оргane» находится неполадка.

Я настолько сроднился с электромзыкальными инструментами, что, подписывая свою грампластинку с записью электробаяна, ставил следующую подпись: «Грибер-Эстрадин». Лёня Федорчук на это новшество реагировал так:

– А что, это абсолютно оправданно. У тебя другого имени и быть не может. Никто не может сыграть на Эстрадине так, как ты. Я ведь слушал многих. Кто только не пытался играть. В твоей жизни сейчас такая полоса, что ты можешь быть только Эстрадином.

Иногда какой-нибудь скептик говорил нам:

– Почему-то ваши электронные пользуются спросом у свадебных музыкантов. Профессионалы же предпочитают играть на тульских заказных баянах.

Лёня Федорчук в таких случаях шуточно замечал:

– Да и в жизни так: один пьёт коньяк, другой – водку, а третий предпочитает самогон.

Я обычно реагировал на такие замечания следующими словами:

– Электронный баян «Эстрадин-8Б» пользуется спросом у разных музыкантов, в том числе, и у профессионалов. Что же касается тульских заказных баянов, то они не являются электронными. Поэтому сфера их применения не может быть сопоставима с электронным баяном.

Или вдруг раздавалось такое мнение:

– Мне кажется, что для вашего электронного баяна не хватает музыканта с именем, то есть знаменитого баяниста, такого, как Паницкий, Бесфамильнов. При этом я нисколько не умаляю достоинств Альфреда Грибера.

– А Вам это и не удастся, – тут же парировал Лёня. – Потому что наш Альфред – экстра-музыкант. Он необыкновенный талантище и совершеннейший ас в Эстрадах. Я им восхищаюсь и не знаю других музыкантов, которые могли бы составить ему хоть малейшую конкуренцию. И я Вам объясню, почему я так думаю. Мы пересекались со многими баянистами того класса, о котором Вы говорите. И поняли одно: никакой суперпрофессионал, выходя на сцену, не станет рекламировать инструмент. Он будет рекламировать только себя, а об инструменте постарается вообще не говорить. Главное, чтобы всё сверкало...

Поскольку в таком разговоре речь шла и обо мне, я тоже считал целесообразным внести кое-какую ясность:

– Такие знаменитые баянисты, как Паницкий или Бесфамильнов, занимаются своей личной концертной деятельностью. К тому же, они не играют на электронном баяне. У них своя жизнь. Да и не всякий классический баянист может легко переучиться игре на электронном баяне, который нужно любить и чувствовать, как самого себя.

Иногда я слышал обращённые ко мне неожиданные суждения:

– У Вас есть талант, и не только музыкальный. Вас уважают партийные власти. Вам удастся также ладить с отделом культуры.

Я реагировал на это с улыбкой:

– Это не мне удаётся ладить с отделом культуры, а им со мной. Просто у них нет другого выхода. Я, пожалуй, единственный музыкант, который представляет с честью электромузы-

кальные инструменты Житомирского завода «Электроизмеритель» и в нашей стране, и за рубежом. К тому же многие властители любят похвастаться достижениями города и области перед своими гостями, а также послушать хорошую музыку. Поэтому они приходят сами и приводят своих гостей на мои выступления. Но чем я горжусь, так это тем, что я никогда не пресмыкаюсь перед «сильными мира сего». И чувствуя это, они уважают меня.

— Вам, Альфред, вообще везёт в жизни,— продолжал тот или иной собеседник.— Вот вы уже два раза побывали за границей. А я знаю многих музыкантов высокого класса, которые работают в государственных оркестрах СССР, но так и не смогли выехать за границу, даже в социалистические страны. И знаете, почему? Потому что им это не позволяла пятая графа. Короче говоря, все евреи плохие. Но, оказывается, есть и хорошие евреи, такие, как вы.

— Я выезжал за границу не потому, что я был, как вы выразились, «хорошим» евреем,— объяснял я своему оппоненту.— Это происходило в силу того, что демонстрировать наши электромузыкальные инструменты, как это делаю я, никто не может. И не потому, что я гениальный музыкант, а другие — нет. Просто так это случилось. Так распорядилась судьба, так легла карта. И даже тогда, когда более ретивые чиновники пытались воспрепятствовать моему выезду за границу, у них ничего не получалось.

— Что вы имеете в виду?— тут же последовал вопрос.

— Со мной произошёл такой случай перед поездкой в Югославию в 1980 году. Я в своей анкете не упомянул о том, что женат вторым браком. И в Торгово-Промышленной Палате СССР один чиновник мне заявил, что он не может выпустить меня за границу за такое сокрытие важных данных. Я сказал ему: «Хоро-

шо, я не поеду. А кто будет защищать престиж СССР вместо меня? Вы?» И, выйдя из его кабинета, я пошёл звонить в Министерство приборостроения. Уже через полчаса я был вызван обратно в кабинет, где меня «отлучили» от заграницы. Хозяин кабинета вежливо попросил меня написать добавление к моей анкете, в котором мне следовало указать данные о своём первом браке. И всё. Через час я уже брал билет на поезд в Загреб. Так что моё еврейство здесь совершенно ни при чём.

Я был уверен, что профессионализм и творческая самоотдача делу, которому ты служишь, приводят человека к желаемому результату. Для меня таким результатом было признание моих успехов как профессионального электромузыканта и подающего надежды инженера-конструктора. Поэтому мне и сегодня приятно читать строки моего друга Лёни Федорчука:

«Ведь ты был у нас не просто Грибером-Эстрадином. Я до сих пор вспоминаю, как ты помогал Яше Тененбауму составить схему ударного состава для электробаяна «Орион». Никто из нас этого бы сделать не смог, несмотря на качества Тененбаума, Фукса и мои. Ты не только составил рисунки ритмов и участвующих инструментов, но, насколько я помню, ты даже прорисовал для Яши все части ударника в микросхемах. Ведь это была работа квалифицированного электромузыканта и настоящего конструктора. И ударная часть совместно с басом и аккордами была лучшей из всех наших инструментов! На этот момент ты уже был конструктором-профессионалом. А это, знаешь ли, мало кому удаётся. Тебе удалось, потому что ты не только классный музыкант, но и умнейший инженер».

Приятные слова, ничего не скажешь! Тем более от друга, который никогда не кривил душой. Лёня и сейчас вспоминает:

«Так нас жизнь вела, брат. Мы с тобой всегда друг друга понимали лучше других. Сколько было в нашей жизни концертов – по всей стране, ты же не мог здесь, в своей книге, рассказать о всех – тысячи и тысячи! Получалось, – а я это чувствовал на 100 % – что ты всё время озвучивал то, что творилось в моей душе. Это тоже надо было чувствовать. Но я в этом никогда не сомневался. И ты, думаю, тоже.

Мне так хорошо от этой мысли, что судьба так нас свела и я мог длительное время совершенно справедливо восторгаться тобой, слушая тебя. Я был от этого счастлив тогда и счастлив сейчас, потому что у меня было соприкосновение с тобою. А это – незабываемо.

Я на тебя всегда смотрел и чувствовал тебя, как некое своё отражение. Понимаешь, так у нас генетически как-то произошло. Вроде это два человека, а чувствуется, как сиамские близнецы».

И я ощущал нас «сиамскими близнецами». Бывало, достаточно только взгляда, чтобы понять друг друга. Кажется, это называется таким понятием, как «родство душ».

Последней нашей общей любовью был, несомненно, электронный баян «Орион». Я вообще ощущал его, как продолжение себя. Всё лучшее, всё самое интересное на то время мы старались воплотить в этом инструменте. И я думаю, что у нас это получилось. Под словами «у нас» я имею в виду весь наш дружный творческий коллектив единомышленников НИО-17. Каждый вложил в «Орион» кусочек своей души. И он уже тогда был круче и интереснее всего того, что делалось в мире.

Лёня Федорчук писал мне недавно:

«Эх, как ты играл тогда! Я вспоминаю, как ты делаешь сольное вступление на правой клавиатуре. А потом при нажатии кнопки аккорда или баса на левой клавиатуре вдруг всё взрыва-

ется ритмом – и каким! Я помню, как слушатели в недоумении – «Откуда это взялось?» – начинают взорами искать другого музыканта, ударника. И не находят. Полный балдёж!

А у тебя ещё кнопка ритма под подбородком, которой ты всегда можешь сделать ритмическую паузу. А затем проиграть, солируя, мелодию и снова запустить ритм. Красота, да и только! На то время это была абсолютная фантастика!

Ты воспринимался, на мой взгляд, волшебником. Представь себе, что ты «Ориона» не слышал вообще. И вдруг какой-то парнишка вот так, не отходя от стула, берёт и играет тебе «Токкату» Поля Мориа с полным оркестровым звучанием.

Ты в это состояние «вползал» постепенно, через тернии, привыкал к нему постепенно, сам над этим думал и трудился. А если вот так сразу это услышать – ведь ошалеть можно.

Я это выныривал 20 лет и то ошалевал до мурашек в спине. Фантастика живьём!»

А какие планы были у нас в то время! Кроме «Ориона» был создан целый ряд перспективных инструментов – электроорган «Солярис» («Эстрадин-314»), новый синтезатор «Альтаир» («Эстрадин-231»). Разрабатывались новые проекты усилительной техники, реверберации. Яша Тененбаум трудился над программным – компьютерным проектированием электромузыкальных инструментов. Было взято правильное направление!

Но всем этим планам не суждено было исполниться. В 1985 году Лёня Федорчук уехал в Иркутск, и наш отдел осиротел, в полном смысле этого слова.

Лёня был не просто нашим начальником. Он был тем стержнем, который держал всю нашу конструкцию. Он был тем цементирующим началом, который скреплял всё НИО-17. Он был

генератором идей, вдохновителем всех начинающих, чутким собеседником, умным руководителем, гениальным инженером и конструктором, весёлым и жизнерадостным человеком, верным и преданным другом и товарищем.

После отъезда Лёни всем стало понятно, что без него уже ничего не будет. И люди, которых Лёня собирал вокруг себя годами, постепенно стали расходиться по другим местам.

Но каждый год 12 февраля мы все звоним друг другу и поздравляем с нашим общим профессиональным праздником – Днём электромузыки. Перефразируя классика, мы все можем сказать, что это «Праздник, который всегда с нами!»

Вот и в этом году 12 февраля Лёня Федорчук послал по интернету всем нашим такое поздравление в День электромузыки:

«Дорогие мои друзья! От всего сердца поздравляю вас с нашим праздником – Днём электромузыки! Много лет мы были верны избранной нами профессии. Мы жили этим, работали, вместе грустили и радовались. Эти связь и дружба наша долгая останутся с нами навсегда. Мы честно работали и сделали всё, что смогли. Счастья, здоровья и успехов вам, мои сподвижники!»

Я подписываюсь под каждым словом в этом поздравлении. Хочу только добавить, что если мы создали то, что можно было сделать на строгом дефиците материалов и комплектующих, то всем нам за это полагаются только почёт и уважение. Потому что памятников при жизни нам всё равно никто не поставит.

Но зато мы с Лёней Федорчуком нашей общей книгой воздвигнем памятник тому времени и всему нашему электромузыкальному братству!

Спонсор издания книги Иваницкий Игорь Николаевич, главный редактор и совладелец «КРОК Радио» (Житомир–102,2 МГц), ученик автора книги «Собачья жизнь».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Альфред Грибер	
ЭСТРАДИНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ	203
Дом культуры или заводской клуб	204
Прикосновение к электромузыке	211
Вполне оправданные переходы	219
Рождение первого электробаяна	227
Триумфальное шествие	230
Одесские мелодии	238
Мои встречи с Л.С. Терменом	243
«Боевое» крещение	254
Худрук пединститута	264
Студент-заочник	268
Международное признание	274
Электробаян звучит	
на грампластинке	287
«Альфреду от Аллы»	297
Весенняя Лейпцигская ярмарка 1978 г	308
Осенняя Загребская ярмарка 1980 г	319
Опередившие своё время	325
Страсти вокруг «Ориона»	332
Мой День электромузыки	346

Літературно-художнє видання

Альфред ГРІБЕР
ЕСТРАДИНИ МОГО ЖЕТТЯ

Проза

Редактор *Н. Н. Москалевська*
Коректор *Н. Н. Дьякова*
Комп'ютерна верстка
та оформлення *О. Л. Федорчук*

Формат 70х90/32. Папір офсетний.
Гарнітура NewtonС.
Усл. друк. арк. 0,00. Обл.-вид. арк. 0,00.
Тираж 300 прим. Зам. 000.

Віддруковано з готових оригінал-макетів
у видавництві «Рута».
10008 Житомир, вул. М. Бердичівська, 18.